

à Monsieur le Professeur
Fr. Weyer
C' honnime de l'auteur
M. Zimmermann

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ
В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Босфор и Дарданелы 2-е изд. Юридическ. Книжного Магазина Мартынова. Петроград 1915, стр. 67.

Очерки нового международного права. Мирные договоры. Лига Наций. Постоянная Палата Международного Суда. Изд. «Пламя». Прага. 2-ое изд. 1924, стр. 328.

История международного права с древнейших времен до 1918 г. Изд. Типогр. Русск. Юридическ. Факультета в Праге. 1924, стр. 382.

Материальное международное право. Выпуски I—II. Изд. Типогр. Русск. Юрид. Факульт. в Праге. 1925, стр. 305.

Вмешательство и Признание в международном праве. Изд. «Пламя». Прага. 1926, стр. 248.

В печати:

Гарантии безопасности в международном праве.

Готовятся к печати:

L'idée de la paix et de l'organisation internationale dans l'histoire des peuples slaves.

Международное право и политическая эмиграция.

Le droit international de l'Ancien Orient.

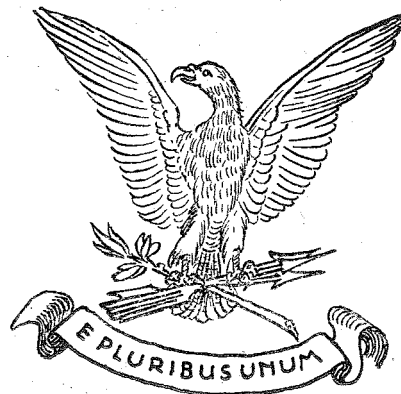
Le droit international de la Russie des Soviets.

T. 9/4

11-E-6

М. А. ЦИММЕРМАН

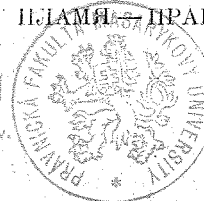
**СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ
В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
1776-1926**

ПЛАМЯ — ПРАГА

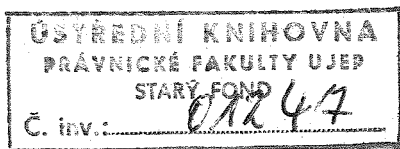
SEMINÁRNÍ

Hfšt.-práv.

KNIHOVNA

oddělení

1926

231/—
136.

inv. č. 5.135

„LEGIOTRAFIE“

Praha-Vršovice, Sámova 665j

Dar of Sp. p. Dr. G. Kouřal.

I

НАРОЖДЕНИЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И ИХ РОЛЬ В УПРОЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Один из современников борьбы американских колоний за независимость, великий французский экономист и мыслитель Тюрго, через несколько недель после заключения Францией договора с восставшими колониями в 1778 г., писал в одном частном письме: «...силой нельзя удержать господство одной нации над другой, тирания одного народа над другим самая жестокая и самая невыносимая...» Американцы должны стать свободными и не только во имя собственных интересов, но и интересов всего человечества в целом: «...нельзя не выразить пожеланий, чтобы этот народ

достиг той степени благосостояния, к которой он способен. Народ этот — надежда для всего человеческого рода. Он должен на деле показать, что люди могут быть свободны и спокойны без тех цепей, которые готовы накладывать на народ всевозможные тираны и шарлатаны под предлогом общего блага. Он должен дать пример свободы политической, свободы религиозной и свободы торговли и промышленности». Америка станет убежищем для политических изгнанников, и своим примером она заставит и другие правительства быть справедливыми и просвещенными.

Пророчество Тьюро осуществилось. Штаты, провозгласившие свою независимость сто пятьдесят лет тому назад стали не только экономически могучими в системе мирового хозяйства, не только осуществили политически-решающую роль — как это было в момент мировой борьбы в 1917—1918 г. — и не только реально воплотили в своей жизни идеи свободы и религиозной терпимости, но были с первых дней своего бытия и политическим и правовым примером для других народов. У одного большого христианского учителя Америки Вильяма Эллери Чаннинга проблема религиозного и нравственного возрождения имеет реально-человеческий характер. Он отбросил пессимистические и фаталистические элементы кальвинизма и, по-

добно Руссо, он исходил из принципа добрых качеств человеческой души. В основе учения Чаннинга лежала мысль о моральном подвиге индивида. Для создания общества надо создать людей. Для политического объединения надо создать граждан. Сами Штаты из колоний преобразились в самостоятельные государства, но для упрочения государственного правопорядка нужно, чтоб среди американцев пробудились бы идеи национальной солидарности. Как молодое дерево, пускающее крепкие корни и дающее свежую листву, американский народ, освобожденный от старых догм политического и обрядно-религиозного характера, должен дать новый тип гражданина, сознающего свою принадлежность к новому национальному целому. Связь индивида и общества, гражданина и государства принимает глубоко-этический характер и делается живой основой политического существования молодого народа. И, если интеллектуальное и моральное развитие личности составляло самый крепкий фундамент для роста и укрепления здоровых принципов государственного устройства, то такое же значение имеют и народы в сношениях друг с другом и такое же значение имеет нравственный пример великой и свободной демократии. Вступая в международную жизнь, Штаты сразу дают пример некоторых новых на-

чал и, будучи образцом и вождем для других государств, они сразу завоевывают для себя особое положение. То, что произошло во время мировой войны, когда Штаты открыто выступили против нарушителя мира и права в Европе, было не случайным эпизодом, но завершением длительной незаметной работы, в которой с поразительной прямолинейностью и последовательностью проводилась тенденция *универсального значения, универсального характера и универсального распространения права*. Единству христианского всечеловеческого идеала должен соответствовать и единый этический идеал, и последний, в свою очередь, связуется с реализацией и принципов права и справедливости. Это — идеал земной, идеал гуманизма и просвещения, потому что он находит свое выражение в жизни людей и народов, в их эмпирическом, а не потустороннем существовании, и этот идеал требует для своего претворения усилий личности и народов. И, конечно, тут не может быть речи о рационально задуманном плане, но здесь внутренняя структура государства требует и известного внешнего выражения, здесь создается опытная реализация в международной жизни начал, уже получивших реальное бытие внутри, в отношениях граждан и в отношениях Штатов друг к другу. В этом смысле

Штаты провозглашением своей независимости открывают новую эпоху в истории человечества, потому что никогда и нигде еще государство само по себе, по своему моральному облику и по политической организации не было еще таким ярким и живым стимулом для преобразования и всей системы внешних, международных отношений.

На Новом Свете произошло сочетание и сплетение двух сил: кальвинизма, как религиозной системы, и англо-саксонской системы автономного управления. В упорном бою, в тяжелых каждодневных испытаниях, в столкновениях с силами природы и людей получил свой закал новый строй политических отношений. Здесь сложились те черты молодой демократии, которые дали ей возможность отвоевать свободу для себя и выступить борцом за свободу для других. Любовь к свободе, строгий моральный дух, непоколебимая гранитная вера и суровая политическая школа сделали этот народ вождем и учителем для других республик Нового Света и сделали его творческой и образующей силой в сложных условиях современной международной жизни. И если старый кальвинизм как-будто исчез, то все-таки во внешних отношениях политическим его отголоском осталось сознание Штатами своего твердого непоколебимого единства, уверенность их в исключительной истин-

ности своего понимания морали и права, сознание необходимости защищать справедливое дело с оружием в руках, проповедь противления злу насилием, и утверждение необходимости военного служения делу Христа, служения отражающего не столько мотивы Нового, сколько Ветхого Завета. Насилие коллективное, народа против народа, в известных случаях должно быть оправдано, и время крестовых походов еще не исчезло безвозвратно. Насилие однако может быть оправдано лишь более высокою моральною и правовою целью и, если цель эта достигается, тогда насилие делается более ненужным. Насилие тогда — лишь жертва современных поколений для будущего, и таким образом усилиями настоящего создаются новые правовые условия жизни для грядущего человечества. И, если принципы договорного объединения, согласно воззрению пуритан-ковенентеров, лежат в основе религиозной общины верующих людей, то такие же принципы являются и основной нормой политического объединения людей, и те же принципы должны стать необходимым основанием правового объединения всех народов, безразлично как сильных, так и слабых, одинаково становящихся под защиту права.

Первые английские колонии в Северной Америке возникли не только в силу экономических, но и религиозных мотивов. В 1606 г. группа пуритан, не желавших примириться с организацией англиканской церкви, покинула свое родное местечко Скруби в северной Англии и переехало в гостеприимные Нидерланды. Но там обстановка их не удовлетворила. Оживленная торговая жизнь, чужие обычаи и чужой язык — все это мало соответствовало их строгому религиозному и вместе с тем глубоко-национальному миросозерцанию. Они решили покинуть голландскую землю и найти новое место для поселения за океаном. В это время в Америке уже действовало первое британское колониальное предприятие, создавшее английское поселение «Виргинию», и от этого общества группа пуритан получила согласие на наделение землей. С большим трудом пилигримы-пуритане достали необходимые денежные средства для путешествия, на маленьком судне «Mayflower» совершили благополучно переезд через океан и в ноябре 1620 года достигли американского побережья. Здесь пилигримы нашли подходящие земли вне владений Виргинии и вынуждены были заключить между собой своеобразный договор «Mayflower-Compact», в силу которого они соглашались повиноваться законам и распоряжениям,

которые они будут сами для себя издавать. Поселенцам пришлось в первом году тяжело. Суровая зима и тяжелый физический труд изнуряли колонистов, и около половины их погибло за один год от болезней и лишений. К тому же первоначально колонисты отказались от права частной собственности на землю и вели хозяйство сообща, коммунистическим способом, и только позднее изменили этот порядок, как «противоречащий отношениям между людьми, установленным самим Богом». Политическое устройство этой пуританской колонии было чисто-демократическим. И значение этой колонии — Нью-Плимута — должно было остаться раз навсегда исключительным. Не волею короля, или коммерческого предприятия, но желанием самих колонистов была создана эта колония. Здесь крепко пустил свои корни отпрыск английского народа. И эта маленькая группа людей сама собственными усилиями на основе договора создала у себя правовой порядок. С другой стороны, здесь шла речь не о быстром обогащении, или об открытии золотых и серебряных россыпей, но, наоборот, о тяжелой и повседневной сельской работе, о земледелии и скотоводстве и о создании класса мелких фермеров, крепко привязанных к своей земле. Наконец, здесь впервые делается попытка создать акт писаной консти-

туции, стоящей выше как отдельных людей, так и их совокупности. Те же самые мысли позднее будут провозглашаться и в армии Кромвеля в известном «Народном договоре» — «Agreement of the people» в 1647 г. И сам Кромвель считал, что должны быть нормы, стоящие выше любых органов государства: «Парламент не может объявить себя постоянным — это основной принцип. Простой закон не может этого предупредить, он будет лишь гнилой веревкой, потому что парламент, принявший этот закон, может его изменить; люди его создали, люди могут его уничтожить». Отсюда вытекает и мысль о необходимости зафиксировать основные законы; эта мысль так и не получила своей реализации в истории Англии. Наоборот, в Америке новые принципы договорного обоснования власти и наличности для нее правовых границ получили глубокое развитие и привели в окончательном итоге к созданию замечательного акта, установившего для Штатов объединение в форме союзного государства.

Начиная с конституции Коннектикута, созданной в 1639 г., целый ряд колоний устанавливает свои «Plantation-covenants», и все эти основные законы исходят из одной мысли, что, при создании политического единства, для поддержания мира и союза необходимо установить правитель-

ство согласно народной воле и что для этого надо сформировать государство на основе общего соглашения. В 1641 г., при заселении необитаемого острова Aquidneck, специально упоминается, что политический строй, основывающийся на общей воле, будет *демократией*, или народным управлением. И эти принципы имеют не только декларативный характер, они найдут свое дальнейшее приложение и в торжественных специальных актах, как например, Массачузетса в 1772 г., когда по предложению адвоката Джемса Отиса, — принимается *«Декларация прав колонистов, как людей, как христиан и как граждан»*. В этой декларации говорится не только о праве на свободу и собственность, но делаются и дальнейшие выводы в том смысле, что все люди имеют право оставаться в естественном состоянии и что при невыносимом угнетении в отношении ли гражданском, или религиозном — это безразлично — люди могут порвать связи с тем политическим единством, в состав которого они входили, и могут тогда создать новое единство. И отсюда вытекает учение об учредительной власти народа, могущего изменить государственный строй, когда последний не удовлетворяет больше своему назначению. И с этими принципами связывается старая норма английского государственного права, в силу

которой подати и налоги могут устанавливаться лишь волею народного представительства, а не распоряжением королевской власти. Между тем, английское правительство, после семилетней войны, вынуждено было озаботиться изысканием новых средств. Присоединение Канады вызвало необходимость содержать там гарнизоны, а, с другой стороны, военная организация северо-американских колоний оказалась совершенно неудовлетворительной. В связи с этим в колониях предполагалось ввести новый порядок обложения. И эти попытки центральной власти с 1764 г. вызывают решительные протесты в законодательных собраниях колоний. В Виргинии Патрик Генри вносит в собрание проект резолюции, согласно которой только законодательным органам колоний принадлежит право обложения местного населения налогами и пошлинами. Защищая проект своей резолюции, Генри воскликнул: «Цезарь имел своего Брута, Карл I имел Кромвеля, Георг III...» — «Измена, государственное преступление!» — раздаются восклицания лоялистов — «а Георг III, — продолжает оратор, — пусть извлечет себе урок из этих примеров!..» Однако это недовольство британскою властью далеко не было еще всеобщим. И сам британский парламент, не ожидая сопротивления среди американских колоний, готов был

сначала идти на уступки. Положение, между тем, не улучшалось. Колонисты отвечали на установление налогов бойкотом английских ввозных товаров. Английские власти сочли нужным усилить гарнизоны, и на улицах Бостона уже в 1770 г. произошло первое кровопролитие. Затем последовало своеобразное коллективное наказание города Бостона за уничтожение там складов чая Восточно-Индийской Компании, а по отношению ко всему Массачузетсу британский парламент постановил отменить его конституцию и превратить его в простую королевскую провинцию. Напрасно английские виги протестовали против этих мер. Эти меры должны были вступить в силу, и вызвали в колониях общее возмущение. Однако до открытого выступления против Англии было далеко. 13 колоний имели слишком разнородное политическое управление и, вследствие слабого и широко разбросанного населения и отсутствия путей сообщения, представляли из себя отдельные индивидуальности, плохо сознававшие свои общие интересы. Но между ними была и известная реально-географическая связь — отделенность от метрополии простором Атлантического океана, и, наряду с этим, связь и моральная — сознание общей принадлежности к «Новому Свету», и, наконец, и связь очень хрупкая, но с течением вре-

мени все усиливающаяся — констатирование отрицательного характера зависимости от метрополии, стремившейся эксплуатировать колонии, но взамен этого ничего им не дававшей. Поэтому карательные меры против Массачузетса сразу стали рассматриваться колониями, как их общее дело. В 1774 г. Массачузетс сделал предложение о созыве революционного конгресса, и в сентябре 1774 г. в Филадельфии открылись заседания этого конгресса. Выборы в конгресс проходили далеко не всегда с соблюдением формальностей. Только от двух или трех колоний законодательные собрания сами выбирали делегатов, в остальных случаях выборы состоялись на митингах-«conventions», на которых собирались граждане независимо от своих избирательных прав. В итоге на Филадельфийском конгрессе были представлены консервативные и радикальные течения, и конгресс мог говорить как «united voice of America». Консерваторы надеялись на возможность примирения с британским правительством, они выработали своеобразный план широкого самоуправления для колоний, причем все вопросы законодательного характера, касавшиеся колоний, не могли разрешаться одним британским парламентом, но необходимо было участие генерального совета колоний, имевшего местопребывание в Лондоне. Но предло-

жение консервативных элементов не встретило сочувствия, и в итоге конгрессом была выработана «Декларация прав и жалоб», нечто вроде ультиматума Лондону, где указывалось на наличие притязаний колоний, основанных на естественных законах, принципах английской конституции и хартиях и соглашениях. Одновременно возбуждалась и просьба об аннулировании всех тех законов, которые нарушали интересы колоний. Наконец, колонии предусматривали, на случай невыполнения их представлений, своеобразный бойкот английских товаров и закрытие вывоза своих продуктов в метрополию. В Англии король, министерство Норта, тори и общественное мнение были против уступок колониям. В свою очередь в Америке брали верх радикалы, которые, учитывая неизбежность борьбы, считали нужным заранее делать сборы денег, военного снаряжения и оружия. Колониальная милиция уже была готовым кадром будущей национальной армии, и достаточно было одной искры, чтобы вспыхнул пожар. В апреле 1774 г. губернатор Массачусетса генерал Гедж узнал, что около Бостона происходит сбор оружия. Ночью туда выступили британские регулярные части и на рассвете у Лексингтона они столкнулись с отрядом колониальной милиции. Неизвестно с какой стороны раздался

выстрел, но начался первый бой между англичанами и американцами. Весть об этом быстро распространилась по колониям. Радикалы повсюду, почти без сопротивления, захватили в свои руки власть. В Филадельфии в мае снова собрался конгресс. Он не хотел еще разрывать политических связей с Англией; но в декларации о причинах и необходимости прибегнуть к силе оружия указывал, что колонии стоят перед альтернативой: или безусловного подчинения тирании деспотического правительства, или сопротивления силой. Они выбрали второе, но и сейчас они не желают полного отделения от британского народа. «Позвольте нам быть такими же свободными, как и вы, и единение с вами будет для нас наивысшей славой и наибольшим счастьем». Если же британский народ отвергнет протянутую ему руку и будет поддерживать своих министров, нарушающих неотчуждаемые человеческие права, тогда кровопролитие станет неизбежным. Но и борьба не должна исключать возможности примирения, и поэтому колонии просят Господа быть посредником в их столкновении и просят его очистить путь для полюбовного решения спора. Однако это настроение скоро стало изменяться. В разных пунктах происходили столкновения между британскими и американскими отрядами. Во главе молодой

американской армии конгрессом был поставлен Вашингтон, уже отличившийся во время англо-французской войны. Этот выбор был блестящим. Морально безупречный, с громадной выдержкой воли, с железною настойчивостью и с поразительной неутомимой энергией, Вашингтон, если не был гениальным полководцем, то зато был гениальным государственным деятелем и храбрым вождем, смело смотревшим в упор опасностям и смерти. Молодая нарождающаяся демократия сразу выдвинула такого человека, который был единственно способным довести начинающуюся борьбу до победоносного конца. С этого времени события стали быстро развиваться. Около Бостона разыгрались первые большие военные операции, на севере американцы предприняли попытку вторжения в пределы Канады и сначала имели успех, но затем вынуждены были отступить. На юге в Северной Каролине британские войска пытались оказать поддержку «лоялистам», т. е. колонистам, сохранившим верность королю, но, в конечном результате, британские части не добились здесь серьезных успехов. Если оружие в первый год не дало решающего перевеса ни одной из сторон в конфликте, то надежда на мирный исход тоже постепенно исчезала. На местах в колониях были созданы временные правительственные революцион-

ные организации. В смысле внешне-политическом конгресс решил искать поддержки иностранных держав и обратился с просьбой о помощи к Франции. Томас Пенн в эти дни писал в «Common Sense», что примирение есть ложная мечта, что и сама природа и Всевышний так распределили Англию и Америку, что между ними нет ничего общего. «Свободе нет места на свете. Уже давно ее изгнали Азия и Африка, Европа стала чуждой свободе и Англия ее изгоняет. Одна Америка должна приютить у себя свободу и дать ей убежище на благо всему человечеству». — Новые мысли проникали в законодательные собрания колоний и в конгресс. Последний уже в мае принял резолюцию, где указывалось, что колонии должны считать, что королевской власти более не существует. Виргиния уже выработала для себя новую конституцию, и ее представители подняли в конгрессе вопрос о провозглашении независимости. К 1-му июля делегаты девяти колоний поддерживали предложение Виргинии. Специальный комитет приготовил текст знаменитой декларации, которая и была опубликована 4 июля 1776 года и которая была первым формальным торжественным актом, свидетельствующим о рождении новых республик, провозгласивших и свое независимое существование и свое единение в виде

Соединенных Штатов Америки. Вот наиболее замечательные места этой Декларации:

«Когда в развитии человеческих событий, народу становится необходимо разорвать политические связи, которые соединяли его с другим народом, и когда он занимает среди держав всеобщей место согласно своему праву на независимость и равенство в силу законов, предуказанных Природой и Богом Природы, достойное уважение к мнению человечества требует, чтобы были указаны причины, вынудившие его к этому отделению.

«Для нас очевидны сами по себе истины, что люди были созданы равными, что Создатель сообщил им известные неотчуждаемые права, что среди этих прав имеются жизнь, свобода и стремление к благополучию; что, для обеспечения этих прав людей были созданы правительства, полномочия которых истекали из согласия управляемых; что, каждый раз, когда какая-либо форма правительства становится разрушительной по своим целям, народу принадлежит право изменить или уничтожить ее, или создать новое правительство, кладя в его основу эти принципы и организовывая его полномочия в такой форме, которая лучше всего бы обеспечивала народную безопасность и народное благополучие. Благоразумие, правда, тре-

бует не менять правительств, существующих уже издавна, ради мотивов легкомысленных и временных, и, в результате, опыт всегда показывал, что человеческое общество предпочитает скорее терпеть страдания, поскольку последние не делаются невыносимыми, чем прибегать к самосуду, уничтожая формы, к которым оно привыкло. Но когда длинный ряд произвольных деяний и нарушений права неизменно преследует одну и ту же цель и указывает на стремление подчинить человеческое общество безграничному деспотизму, тогда право и обязанность общества состоит в свержении подобного правительства и в создании новых гарантий для своей будущей безопасности. Таковым было то упорное терпение, которое проявили колонии и таковой стала необходимостью, принуждающая их изменить прежде существовавшую систему правительства. История нынешнего короля Великобритании это история повторных насилий и правонарушений, преследующих одну и ту же цель: установление неограниченной тирании над колониями. Чтобы доказать это, представим факты на суд честных людей...»

И после длинного перечисления правонарушений, Декларация в своей заключительной части гласит:

«Мы оказали должное внимание и нашим

британским братьям. Мы предупреждали их время от времени при попытках их законодательных палат распространить на нас неприемлемую юрисдикцию. Мы напоминали им об особых условиях нашей эмиграции и нашего поселения. Мы обращались к их врожденному чувству справедливости и к их великодушию и мы их умоляли — во имя нашего общего происхождения — проявить отрицательное отношение к правонарушениям, неизбежно прерывавшим наши сношения... Они тоже остались глухими и к голосу справедливости и к голосу крови. И поэтому мы должны подчиниться необходимости, требующей отделения, и мы будем считать их, как и остальные народы человечества, врагами в войне и друзьями в мире.

«И мы, представители Соединенных Штатов Америки, объединенные в общем Конгрессе, призывая в качестве Судьи Всевышнего в мире для свидетельства справедливости наших намерений, во имя и в силу авторитета добрых народов колоний провозглашаем и торжественно объявляем, что эти союзные колонии суть — и по праву должны быть — государства свободные и независимые; что они отказались от подданнических отношений к британской короне, что всякая политическая связь между ними и Великобританским государством совершенно порвана и что, как свободные

и независимые государства, они имеют полное право на объявление войны, заключение мира, вступление в союзы, установление торговых сношений и на совершение всех других актов и вещей, какие независимые государства по праву могут осуществлять. И для подтверждения этой декларации, с твердой верой на помощь Божественного Провидения, мы даем в качестве залога одни по отношению к другим: наши жизни, наше имущество и нашу священную честь».

Эти замечательные слова создают эпоху в истории мира. То, что раньше было лишь революционной мечтой во времена Кромвеля, или было отвлеченным учением Мильтона и Локка, теперь претворилось в реальную жизнь. Впервые делается попытка провозгласить принцип свободного самоопределения для народности, создавшейся на Новом Свете, и этот принцип впервые связывает с демократическим укладом внутри, с наличием общей воли граждан, свободно создающих свой строй внутри политического общения и требующих именно поэтому уважения извне со стороны силы, нарушающей одновременно и личные права граждан и их права коллективные, права колоний, которые состоят из свободных людей. Поэтому борьба, которая будет вестись с большим ожесточением с обеих сторон, будет грандиозным спором

за право, и, если это спор за право, тогда, ведя его, надо соблюдать и известные правила честной и благородной войны. С английской стороны борьба будет вестись не только британскими частями, но и немецкими наемниками, которые тысячами покупаются британским правительством у мелких немецких князей в Гессене, Брауншвейге и в других местах, причем стоимость человеческой жизни не слишком велика. За одного солдата английский король платит от 8 до 12 фунтов стерлингов. Наличие этих наемников, наличие американских «лоялистов», угрожающих в случае своей победы, виселицами для «патристов», своеобразие местных условий, облегчающих партизанскую войну, — все это как-будто должно было сделать войну за независимость не только жестокой, но и бесчеловечной. Но сам Вашингтон был не только блестящим вождем и гениальным государственным деятелем, он был, кроме того, по характеру своему и христиански верующим и глубоко человечным. Иногда и Вашингтону приходилось прибегать к репрессиям, но в качестве общего правила надо признать, что обе стороны молчаливо признали обязанность соблюдать законы и обычаи войны на суше и на море, и это соблюдение международного права было тем более замечательно, что по существу война за независимость была вой-

ной междоусобной и гражданской. Британское правительство могло бы считать восставших колонистов за преступников и могло бы решительно отклонить применение норм международного права; но силы англичан и американцев были почти равны, военное счастье склонялось то на одну, то на другую сторону, крупные английские части попадали в плен, и угрозы американского командования прибегнуть к репрессалиям были далеко не-академического характера. В итоге англичане вынуждены были, несмотря на отдельные правонарушения, вести войну сравнительно гуманно и, вступая в соглашения военного характера с американцами, тем самым признали за ними известные права и в свою очередь могли притязать на выполнение ими и известных обязанностей. Выполнение норм права в момент борьбы связывалось у американцев и особенно у Вашингтона с его религиозным мирозерцанием. Война — это вынужденное зло, это не общий закон бытия, но болезненное отклонение от нормальных отношений и это кровопролитное насилие, которое может быть оправдано лишь высокою целью, ради которой ведется борьба. Редко кто из полководцев нового времени обращался с таким приказом по армии, как Вашингтон в Миддль-Бруке 19 июля 1777 г. Это были дни трагического испыта-

ния для молодой армии. Без денег, без припасов и оружия она поддерживалась лишь пламенной верой своего вожда. Превосходные силы англичан грозили перейти в наступление, и Вашингтон был не в состоянии им противостоять. Но Вашингтон сохранял полное самообладание, и в обращении к армии он указывает на цель борьбы — завоевание собственной свободы и упрочение вселенского мира. Жестоко пытаться угнетать народ, твердо решившийся быть свободным. Мир и доброе расположение снова воцарятся между народами. «Мы зовем все народы к взаимной дружбе и братской любви. И эту христианскую цель мы осуществим только христианскими средствами. Мы не обнажим меча, который никому не будет давать пощады, и под предлогом насилий, творимых иностранцами, мы не совершим новых жестокостей». Из чувства самосохранения восставшие колонии вынуждены принять навязанную им борьбу — «мы вынуждены возможно лучше использовать средства борьбы, данные нам Провидением, но вместе с тем мы обращаемся ко всему роду человеческому, чтобы он был судьей в нашем споре. Исход же борьбы будет предопределен волею Того, Кто видит все скорби и страдания даже подстреленной птицы, падающей с неба, и Он не оставит без поддержки народ, собирающий ряды своих

воинов под знаменем Всевышнего во имя наиболее благородных начал, украшающих жизнь человечества». В других своих приказах Вашингтон постоянно требует от воинских чинов гуманного отношения к раненым и пленным. Но борьба за независимость является своеобразной не только благодаря соблюдению международных норм с обеих сторон. Она встретила восторженное отношение со стороны передовых европейских кругов, и целый ряд лиц, как Лафайет, Косцюшко, Штейбен, Кальб поступили в ряды американской армии и способствовали тому, что из добровольческих и милиционных отрядов создались дисциплинированные регулярные части. Однако не только отдельные люди, но и великие державы прямо или косвенно помогли американскому народу. Франция и позднее Испания открыто выступили на стороне восставших колоний, и французское правительство первое их признало, как независимые государства в 1778 г. Французские войска под начальством Рошамбо были посланы в Америку и там помогли армии Вашингтона одержать решительные успехи над англичанами. Косвенно помогла американскому народу и Россия, создавшая в 1780 г. акт вооруженного нейтралитета, направленный против Англии, акт, к которому присоединились сначала скандинавские,

а потом и ряд других государств. Обще-европейская конъюнктура стала складываться неблагоприятно для Англии, и стало ясно, что покорить своей власти колонии с их двух с половиной миллионным населением было далеко не так просто. Сами американские историки — особенно в новейшее время — вынуждены признать, что без европейской диверсии колонии вряд ли были бы в состоянии продолжать борьбу. Сочувствие европейских народов и решительная помощь Франции — оправдали предположения вождей американского освободительного движения. Спор колоний с метрополией стал все-европейским делом, зажег англо-французскую и англо-испанскую войну и поставил Англию лицом к лицу с грозной северной коалицией, готовой с оружием в руках защищать права нейтральных. Независимость Штатов была завоевана на полях сражений, но восприимчивом Штатов была вся старая Европа, жившая еще в формах господства монархического абсолютизма, но инстинктивно бывшая заинтересованной в сохранении самостоятельности американского союза. Европа старого режима в эти дни еще не понимала всего значения нарождения Американских Штатов.

Соблюдение международного права было типично для американского народа не только во время его борьбы. И позднее, в договоре с Пруссией в 1785 г. содержится целый ряд чрезвычайно гуманных норм по отношению к пленным. Что же касается морской войны, то Штаты сразу согласились с принципами русской декларации вооруженного нейтралитета в 1780 г., а в 1785 г. в упомянутом уже договоре с Пруссией провозгласили новое, совершенно необычайное для эпохи, правило о неприкосновенности частной собственности в морской войне и о запрещении пользоваться морскими каперами. Но гораздо значительнее практика Штатов в возрождении третейского суда, уже давно вышедшего из употребления в сношениях народов между собой. После длительной эпохи умирания этого наиболее совершенного способа разрешения международных конфликтов, наступает новая полоса его возрождения, и главная роль и первая инициатива принадлежит молодой американской демократии, предпочитающей суд и посредничество кровопролитному столкновению. Впервые после темной эпохи династических войн за испанское или австрийское наследство делается попытка воскресить судебный порядок в международных отношениях. И эта попытка имеет место на американской почве. В этом отношении чрез-

вычайно большую и ответственную роль сыграли американские юристы и особенно ст. секретарь Джон Джэ. Согласно его отзыву и посланию конгрессу Вашингтона 9 февраля 1790 г. Соединенные Штаты, чтобы избежать новой войны, предложили Англии решить третейским судом спор о границах между Канадой и Штатами в районе реки Ст. Круа. Договор этот был подписан в 1794 г. Тот же договор установил и другие третейские суды для разбора споров, возникших в связи с конфискацией имущества «лоялистов», т. е. тех американцев, которые остались в момент борьбы верноподданниками британской короны, и для разборов претензий американских судовладельцев в связи с захватом их имущества британскими военными судами и каперами. Эти третейские суды были только первой ласточкой, и затем позднее по целому ряду очень сложных вопросов при пограничных спорах и при претензиях иностранных подданных стали создаваться третейские суды и смешанные комиссии, которые не только произвели большую работу в смысле поддержания мира, но и приучили народы на американском материке к мысли, что прежде всего надо искать мирных способов для разрешения своих споров.

От этих традиций Штаты не отказываются и позднее, и одним из самых замечательных третей-

ских судов в XIX веке был суд между Штатами и Великобританией по поводу снаряжения в Англии во время междоусобной американской войны крейсеров Южной Конфедерации и в том числе знаменитого крейсера «Alabama», причинившего Северным Штатам значительный вред и убытки. Во время войны северо-американское правительство протестовало против подобного попустительства англичан, а после окончания войны оно потребовало возмещения убытков. Эти притязания вызвали энергичный отпор англичан, одно время казалось, что дело дойдет до войны, в газетах велась ожесточенная полемика, но в конце концов благоразумие взяло верх, и обе стороны сначала подписали Вашингтонский договор в 1871 г., где определялись правила, подлежащие применению, а затем в сентябре 1872 г. состоялось в Женеве окончательное решение третейского суда, в силу которого Англия уплатила Соединенным Штатам 15½ миллионов долларов. Это судебное постановление имело исключительное значение, потому что несмотря на то, что здесь была затронута честь двух великих держав, и отношения были обострены до чрезвычайной степени, все-таки в конечном итоге восторжествовали принципы права. И не только по отношению к чужим государствам, но и в момент гражданской войны, когда — ка-

залось — так легко было дать выход накопившемуся озлоблению, Штаты стоят на страже права и определенным образом утверждают, что, если революционный взрыв и восстание частично разрушают государственный порядок, то одно право остается в силе: право, стоящее выше государств — право международное. Внутренняя борьба в шестидесятых годах Северных Штатов с Южной Конфедерацией вызывает к жизни первую попытку полной кодификации законов и обычаев войны в виде знаменитых инструкций правительства Соединенных Штатов полевым армиям — «Instructions of the Government of the United States for Armies in the Field», составленных профессором Lieber и опубликованных в 1863 г. Эти инструкции были прототипом и для проекта Брюссельской конвенции 1874 г. и для Гаагской конвенции 1899 г. Но американские инструкции были гораздо полнее, подробнее и лучше составлены, чем конвенции, выработанные на международных конференциях. Этот правовой памятник был проникнут и духом гуманности и стремлением не игнорировать требований военного характера. Он не только запрещал средства, причинившие излишние страдания, но он подчеркивал, что военная необходимость никогда не может оправдать жестокостей, делающих заключение мира чрезвычайно затруд-

нительным. В этих инструкциях некоторые статьи, хотя лаконичны, но выражают чрезвычайно глубокое и большое моральное и правовое содержание. Вот один пример: «Соединенные Штаты признают и защищают в неприятельских странах религию и мораль, частную собственность и личную неприкосновенность жителей и особенно женщин...» (ст. 37). И нельзя не выразить глубокого сожаления, что подобная формулировка и особенно упоминание о женщинах осталась чуждой позднейшим конвенциям. И еще больше имело значение специальное упоминание о санкциях. Грабеж в занятой неприятельской области, уничтожение имущества, насилие над личностью наказывались смертной казнью, и эта суровая санкция должна была стать гарантией для мирного населения, получавшего благодаря этому энергичную защиту для своего имущества и личной безопасности. И в этом отношении все последующие международные конвенции стояли неизмеримо ниже, потому что составители их боялись смешать право международное и внутри-государственное и из этого опасения возникло то, что законы и обычаи войны остались лишь с одной самой несовершенной санкцией в виде репрессалий согласно старому принципу: око за око, зуб за зуб.

Когда же на исходе XIX века, по инициативе

России, собирается Мирная Конференция в Гааге, Соединенные Штаты в противоположность европейским великим державам, относятся с нескрываемым полным сочувствием и к идее ограничения вооружений и к принципу кодификации международного права и, наконец, к стремлению создать международную судебную инстанцию для мирного решения споров между государствами. В 1906 году президент Рузвельт берет на себя инициативу для созыва Второй Мирной Конференции, и американская делегация представляет тщательно разработанный проект Палаты третейского суда постоянного характера, проект, встретивший сочувствие Англии и России, но отвергнутый голосами Германии, Австро-Венгрии, Турции, Греции и Румынии.

Однако Соединенные Штаты не только ограничились активной работой в смысле развития и упрочения международного правопорядка и не только сделали решительный шаг в смысле возрождения третейского суда для решения споров между государствами. В Штатах религиозное сознание протестует против кровопролитных войн, и на лоне свободной и великой демократии движение в пользу всеобщего мира впервые принимает организованный и систематический характер. Это более не спорадический случайный взрыв народ-

ного негодования против чрезвычайных и бессмысленных жертв богу войны и это не мечтания отдельных мыслителей и филантропов, но это глубокое, имеющее корни в христианском вероучении, течение, непрерывно увеличивающееся, вытягивающее в свой круг все более широкие массы интеллигенции и делающееся все более близким к народным массам. Впервые в 1809 г. нью-йоркский купец Дэвид Лоу Додж приходит к мысли о необходимости энергичной борьбы за идеал всеобщего мира. Он пишет любопытную книгу: «The Mediator's Kingdom not of this World: but Spiritual», где чрезвычайно резко и отчетливо, подобно первоучителям христианства, выдвигает проблему о несовместимости требований религии с организацией массового убийства. В 1812 году вокруг Доджа собралась уже довольно крупная группа единомышленников, и он опубликовал новый трактат: «War Inconsistent with the Religion of Jesus Christ», а еще через три года создается в Нью-Йорке общество друзей мира — «The Friends of Peace» — повидимому первое общество, не только сложившееся ради этой цели, но непрерывно продолжавшее свою работу в течение более чем ста лет до наших дней. И в этом же самом году не только в Соединенных Штатах, но и — немного позднее — и в Европе создались без всякой связи,

в силу невидимого духовного общения и глубокой народной потребности такие же общества ради той же глубокой и возвышенной цели. Немного позднее стало выходить и первое периодическое издание, посвященное пропаганде идеи мира, принявшее впоследствии название: «Advocate of Peace». Одним из наиболее энергичных поборников нового движения был Вильям Лэдд, всю жизнь посвятивший распространению своих любимых идей. В 1840 г. Лэдд выпустил замечательную книгу «Essay on a Congress of Nations», где с пророческим предвидением указывал на то, какие формы должна принять правовая организация человечества, причем в качестве прообраза Лэдд выдвигал Швейцарскую Конфедерацию с ее глубоким уважением суверенных прав отдельных кантонов-государств и с признанием принципа обязательного обращения в третейский суд для решения всех междукантональных споров. Лэдд не только пользовался печатным словом, он вел пропаганду и среди населения своего штата Массачузетс и среди студентов и был одним из самых горячих проповедников преодоления войн через создание достаточно могущественной правовой организации. Его усилия увенчались большим моральным успехом. «Свободное государство Массачузетс» в своих законодательных собраниях при-

няло следующий замечательный правовой акт (25 апреля 1838 г.):

«Постановили, что наступательная война несовместима с истинным духом христианства.

«Постановили, что, в виду большого значения вопроса, на обязанности всех цивилизованных обществ лежит долг объединиться для принятия практически-выполнимого плана, имеющего свою благородною целью — уничтожение войн и поддержание мира между всеми народами земли.

«Постановили, что создание Конгресса Наций для выработки кодекса международного права и для установления высокой палаты третейского суда для разрешения споров между народами есть план достойный серьезного внимания и рассмотрения со стороны просвещенных правительств...»

Это постановление законодательных палат Массачузетса не имело реальных последствий, но здесь впервые в официальном правовом акте были сформулированы с большею отчетливостью краеугольные принципы, которые неизбежно должны были лечь в основу всемирной правовой организации. Борьба за эти начала могла продолжаться еще очень долго, но защита подобных принципов вытекала с неизбежностью из духовной и нравственной обстановки, в которой жил и создавал новые условия для жизни грядущих

поколений американский народ. В 1844 г. Массачузетс и в 1853 г. Вермонт высказываются снова за созыв международного конгресса и за создание постоянного международного третейского суда. В американском сенате вопрос о заключении третейских договоров подымается в 1851 г. сенатором Фут, а через два года сенатором Ундервуд. Еще более решительно и настойчиво в том же смысле высказывается сенатор Суммер. На его предложение повидимому оказало большое влияние благоприятное окончание разбора Алабамского дела. На заседании сената 31 мая 1872 г. Суммер требует создания постоянного третейского суда, имеющего для всех государств такой бесспорный авторитет, что он мог бы совершенно заменить войну, которая тогда перестала бы быть наиболее подходящим средством для решения международных споров. 1 сентября 1873 г. Суммер опять вносит предложение о том, чтобы третейский суд был бы признан единственным справедливым и рациональным способом ликвидации конфликтов между государствами. В июне 1874 г. предложение Суммера принимается законодательными палатами, и президенту Штатов генералу Грант дается полномочия для ведения переговоров о создании мировой международно-правовой организации. Ни эта грандиозная попытка Штатов, ни гораздо более скром-

ный план России кодифицировать законы и обычаи войны на суше на Брюссельской Конференции (в том же 1874 г.) не увенчались успехом. В Европе после франко-прусской войны обстановка была менее всего подходящей для полного переустройства международных отношений, но если время оказалось выбранным неудачно, то основные идеи, выдвинутые Штатами, остались ненарушимой основой для всяких позднейших планов, преследующих цель обеспечения господства мира и права в сношениях государств друг с другом.

В третий год независимости Соединенных Штатов в июле 1778 года был принят представителями 13 самостоятельных государств тот правовой акт, который создал Лигу северо-американских народов, лигу тесной дружбы, преследовавшую цель общей защиты, охраны свободы и благополучия и определявшую правовую обязанность для участников договора оказывать «взаимную помощь против любого насилия и нападения, направленного или против отдельного народа, или против их совокупности во имя мотива религиозного, политического, торгового, или вообще, под каким-либо другим предлогом». Между 13 государствами устанавливалось своеобразное меж-

дународное общение, открывался свободный доступ в страну для жителей договаривающихся Штатов, определялась недопустимость специального обложения коммерческих предприятий или товаров, подробно освещался вопрос о судебной помощи в гражданских и уголовных делах, и таким образом создавался порядок правового и культурного сближения между независимыми политическими образованиями. Общей организацией были лишь Штаты в конгрессе, т. е. в собрании представителей отдельных государств, собиравшихся ежегодно на нормальную сессию в первый понедельник ноября месяца. Представители не могли исполнять своих функций более трех лет подряд, они пользовались правом неприкосновенности. Эти представители в конгрессе могли выбрать «Комитет Штатов», который в перерыве между сессиями был органом Лиги. В смысле внешних сношений, военной организации, казны и почты управление как-будто было сосредоточено в общих органах: конгрессе и комитете, но последние были лишь слабою тенью власти и не могли авторитетно руководить делами союза. При конфликтах между отдельными Штатами, или при столкновении Штатов с союзной организацией предусматривалась лишь сложная система посредничества и третейского суда. Если сами спорящие

стороны не могли согласиться о желательном составе суда, тогда конгресс составлял обширный список судей по три от каждого Штата и стороны, вычеркивая нежелательные имена, могли довести список с 39 до 13, а затем метанием жребия из этого числа избиралось девять или семь судей, окончательно решавших спор. Если же одна из сторон отказывалась от третейского разбирательства, конгресс сам односторонне назначал состав суда. Суд принимал решение, и последнее считалось окончательным. Но и при таком разборе всегда сохранялось уважение к принципу территориальной неприкосновенности Штатов--членов Лиги, и от Штатов не могла быть отделена территория в пользу союза.

Такая система простых международных связей при полном отсутствии властного центра оказалась недолговечной. В период войны присутствие единого военного командования и наличность одной национальной армии была связующим крепким звеном между 13 государствами. После 1783 года эта связь порвалась. Начала разобщенности и партикуляризма, тяжелое наследие войны в виде заграничных долгов и расстройств податной системы, вспышки социальной борьбы, глубокое недовольство вследствие ухудшения условий жизни, затруднения при попытках наладить

торговые сношения не только с Англией, но и с другими европейскими державами — все это вызвало затяжной и глубокий кризис, настолько острый, что можно было одно время думать, что положение молодых республик безнадежно, и что их возрождение может осуществиться только при энергичном вмешательстве иностранных держав, или же при восстановлении старой власти британской метрополии. Враги молодой демократии в Европе радовались процессу разложения союзной власти в Америке и считали, что это лучшее доказательство того, что система народного управления вообще не может удержаться. Особенно тяжелым было положение в смысле финансовом. Союз в целом не мог платить процентов ни по внешним, ни по внутренним займам. Штаты добровольно не производили своих взносов, а органов и средств принуждения у конгресса и комитета не было. Отсутствие центральной власти создало возможность для Англии восстановить свое монопольное положение в торговом отношении. И отсутствие этой власти вызвало возможность для одних Штатов эксплуатировать другие. Нью-Йорк облагал специальными пошлинами товары, идущие из Пенсильвании, Виргинии и Южной Каролины. Коннектикут облагал импорт из Массачусетса пошлинами более высокими, чем товары из Англии.

Другие Штаты, как Георгия, вели самостоятельные войны и заключали договоры с индейцами. Третьи создавали собственную военную организацию, не считаясь с возражениями конгресса и комитета, или же заключали между собой — вопреки статьям Конфедерации — сепаратные политические договоры. Наступило хаотическое состояние, грозившее свести на нет слабые узы, связывавшие 13 свободных и независимых народов. Эту систему международной анархии пришлось преодолеть через новый строй и новый порядок, который получил свое завершение в конституции 17 сентября 1787 г. и который получил официальное название «более совершенного Союза». В принципе 13 штатов попрежнему остаются свободными, независимыми и суверенными. В 1819 г. знаменитый американский Главный Судья Джон Маршалль сказал: «Ни один политический мечтатель никогда не был настолько безумным, чтобы разбить границы, которые отделяют Штаты, и чтобы слить в одну общую массу американский народ». И действительно все права, которые, согласно конституции 1787 г., не предоставлены союзной власти, считаются оставленными за отдельными Штатами. За долгие десятилетия с начала девятнадцатого до начала двадцатого века американская нация стала однако реальностью, и нет сейчас народа

Пенсильвании, Делавара или Георгии, но есть один американский народ. Но это было лишь эмпирическим результатом долгой совместной жизни, могучей ассимиляционной силы английского языка, английского духовного влияния и первенствующей роли англо-саксонской расы. Штаты стали грандиозным горнилом, где в раскаленной атмосфере напряженной, быстрым темпом несущейся жизни из разных металлов создается новый сплав и творится новая великая национальная индивидуальность. Любовь к новому отечеству стала выше голоса крови, и в момент мировой борьбы миллионы немцев откликнулись на призыв государственной союзной власти и стали в ряды бойцов против германской империи. Но формальная юридическая традиция стоит на точке зрения правовой множественности Штатов. Союзное единство есть исключение, а свободные суверенные и равные друг с другом в правовом смысле Штаты — это общее правило. И отсюда вытекает признание начала равенства Штатов не только в смысле равенства перед нормой права, но и в смысле равного участия в некоторых союзных представительных органах (в частности в сенате). И отсюда следует то заключение, что Верховный Суд компетентен лишь в спорах Штатов юридического характера, но не политического, т. е. когда затрагивается

суверенитет Штатов как таковых. Правда, суверенитет потерял свое прежнее значение. Это не свойство стоять выше права, но это компетенция, установленная в силу права. И самое понятие политического характера спора в порядке толкования Верховного Суда стало почти несуществующим, и оно осталось лишь как простое воспоминание первоначальной точки зрения. «Более совершенный Союз» располагает сильной законодательной властью, исполнительной властью, истекающей из воли одного человека, получающего свои полномочия, как президент, от воли народа, и независимой и могучей судебной властью, поставленной в положение, неизвестное европейским государствам. Союз этот может быть — как верно указал выдающийся американский международник Джемс Броун Скотт — образцом для каждого международного общества, или Лигий Наций. Вместо 13 государств этот великий Союз Штатов включает сейчас 48 государств, глубоко различных по географическим, климатическим и этническим условиям, государств незначительных по пространству и населению и наряду с этим грандиозных с городами в несколько миллионов жителей, государств отделенных от океана и лежащих на побережьях, государств с сельским большинством и с интенсивной промышленной жизнью

и сотнями тысяч рабочих. И рядом с материальным — почти бесконечным — разнообразием составляющих Союз единиц общая правовая цель Союза ясна и понятна всем и в известном смысле едина. И это единство правовой цели связует в одно могучее целое эмпирически разнообразное и разнородное. Цель Союза, как говорится в конституции 1787 г., «...утвердить справедливость, обеспечить внутреннее спокойствие, создать общую защиту, развить благосостояние и обеспечить блага свободы нам и нашему потомству...» Задача эта — упрочить порядок через господство права, и эта задача была достигнута лишь после подчинения суверенных государств господству власти на правовых основах. Государства Нового Света дали в этом отношении урок державам Старого Света. Здесь намечается идеальная цель, к которой в большей или в меньшей степени приблизятся и Международный Союз государств. Здесь намечается возможное решение проблемы: *сочетание принципиальной свободы с подчиненностью свободно организованному господству*. То, — к чему стремился в начале XIX века великий реформатор Сен-Симон, который хотел все-европейского объединения в такой форме, чтобы отдельные нации сохранили свою независимость, и который искал примеров для такого объединения в средние века, когда

Европа была единством в виде *Respublica Christiana*, — было в эти дни уже осуществлено в гораздо более гибких и жизненных формах на Новом Свете. Творцы и вожди американской демократии понимали, что великий труд по созданию федеративной Республики, не только дело касающееся их континента, но подвиг имеющий значение общечеловеческое. И Вашингтон и Франклин это отчетливо сознавали. Последний писал в октябре 1787 г. одному европейскому корреспонденту, посылая ему текст новой конституции: «...я не понимаю, почему вы в Европе не можете осуществить проекты доброго Генриха IV, создавши федеративный Союз и великую Республику из всех различных государств и королевств при помощи Учредительного Собрания, потому что и у нас было много противоречивых интересов, которые надо было примирить...» В этом смысле Штаты были долгое время единственным в истории примером осуществления принципов федерализма в большем масштабе, и их свободный государственный строй, казалось, был и непрестанным напоминанием о том, каким путем преодолевается в современной жизни хаос международных отношений.

Но Соединенные Штаты были не только примером и идеалом. От слов Штаты перешли и к

реальному политическому строительству. И для Нового Света, а позднее и для всего земного шара они пытались заложить твердые основы миру через упрочение международного правопорядка.

II

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НОВОГО СВЕТА

В то время, как в Европе еще продолжалась борьба европейских народов с Наполеоном, в Южной и Центральной Америке вспыхнуло восстание колоний, желавших воспользоваться тяжелым положением своих метрополий: Испании и Португалии, чтобы осуществить цели, уже достигнутые Соединенными Штатами. Около 15 лет продолжалась борьба южно и центрально-американских колоний за независимость и только после чрезвычайных напряженных усилий удалось им завоевать себе полную свободу. В это время война с Наполеоном в Европе уже закончилась, и решающая роль в Европе перешла в руки Священного Союза, своеобразной лиги консервативных монархий, одинаково не желавших допустить как рево-

люционных потрясений внутри, так и внешних нападений и нарушений того территориального распределения, которое установилось согласно Венским договорам 1815 года. Если великие державы во главе с Россией и Австрией присвоили себе полицейские функции в Европе, то рано или поздно мог возникнуть и вопрос о том, как реагировать на восстание колоний, не желавших более признавать законной власти испанского и португальского королей. Среди государственных деятелей европейских континентальных держав уже неоднократно поднимался вопрос о том, каким способом можно восстановить господство Испании и Португалии над их заокеанскими владениями, но особенно острый характер приняла проблема после того, как на Веронском конгрессе в 1822 г. было решено прибегнуть к насильственным мерам против конституционного правительства в Испании и после того, как французской экзекуционной армии герцога Ангулемского удалось восстановить неограниченную монархическую власть Фердинанда VII. После подавления революционного движения в Испании, можно было бы аналогичную задачу выдвинуть и по отношению к колониям. Однако в Европе Англия занимала позицию определенно благоприятную для колоний. Британская торговля стала быстро развиваться с южно

и центрально-американским материком. И это было понятно, потому что был уничтожен тот таможенный кордон, который отделял эти прежние испанские и португальские колонии от всего внешнего мира и который создавал привилегированное положение для одних только метрополий. Но сама Англия не желала открыто выступить против своих союзников в борьбе с Наполеоном, она лишь дала понять Соединенным Штатам, что их решительное выступление будет поддержано британской дипломатией. Между тем Штаты уже 8-го марта 1822 г. торжественно признали независимость восставших колоний. И сам президент Монро и ст. секретарь Адамс проявляли по отношению к своим молодым соседям большую сдержанность. Ни военной, ни материальной помощи Штаты восставшим не оказывали. Конечно, Штаты сочувствовали революционной борьбе, напоминавшей им их собственную войну с англичанами, но от открытого участия в кровопролитной схватке они воздерживались, считая, что рано или поздно, но и в Южной и Центральной Америке бесповоротно исчезнет колониальное господство европейских государств. Горячий и увлекающийся Генри Клау уже в 1820 году мог мечтать о своеобразном американском Союзе Свободы, направленном против европейского Священного Союза. Он считал

это самой дорогой своей мыслью — создание человеческого великого свободного союза, объединяющего все народы от Гудсонова залива до мыса Горн. Эта международная лига могла бы с течением времени получить универсальное значение и могла бы охватить и другие свободные государства. Соединенные Штаты тогда станут притягательной силой и могучим центром, откуда пойдет осуществление всечеловеческих целей свободы и мира. Этот замечательный американский политический вождь, — как впоследствии и другой знаменитый американец Вебстер — как-будто предугадал и предвидел то, что через три года нашло свою классическую формулировку в послании президента Монрое. Штаты в этот момент боялись дальнейшего расширения русских владений в Северной Америке, и поэтому президент в своем послании в 1823 г. утверждает, что Новый Свет впредь не может быть объектом для европейской колонизации, потому что на американском континенте уже имеются независимые государства, являющиеся единственными законными претендентами на еще имеющиеся свободные земли. Но наряду с этим президент желает отвергнуть и право европейских государств поддерживать или восстановить господство, уже фактически свергнутое, над южно и центрально-американскими колони-

ями. Для Монрое ясно, что колонии уже существуют, как свободные и независимые державные образования и что именно поэтому вооруженное выступление Испании или Португалии или других членов Священного Союза должно считаться противоправным вмешательством, ведущим к столкновению и с Штатами. Вновь возникшие молодые государства имеют право на жизнь и свободу, на такие же права, как и 13 северо-американских колоний, провозгласивших свою независимость в 1776 г. И Штаты готовы защищать эти священные и неотчуждаемые права, готовы даже прибегнуть к силе оружия, чтобы не допустить нового порабощения Европой Нового Света. В послании Монрое Штаты выступают в роли морального покровителя и защитника молодых американских государств и они проводят резкую границу между двумя континентами: в европейские дела Штаты не будут вмешиваться, но они никогда не допустят вмешательства держав Европы в американские дела. Таков элементарный смысл доктрины Монрое, сводящийся к тому, что Штаты берут на себя гарантию личной неприкосновенности новых американских державных образований. Наряду с этой поддержкой и гарантией со стороны Штатов, сами южно и центрально-американские государства сознавали свою слабость в

изолированном состоянии и очень рано возбудили вопрос о более тесном политическом и правовом сближении друг с другом. Уже в проекте декларации прав народа Чили в 1810 году говорится, что «американские нации должны объединиться в одном конгрессе, чтобы создать для себя силу и организацию. Если наступит день, когда нации двух континентов, или даже только южного будут говорить с остальным миром от имени объединенной Америки, тогда будут относиться к этим словам с уважением и против американских решений вряд ли кто будет возражать». Позднее в 1818 г. те же мысли повторяет О. Гиггинс в прокламации к народу Чили, говоря о «великой конфедерации... американского континента, единственно могущей охранить политическую и гражданскую свободу...» Это было лишь первым проблеском того правового и политического плана, который долгое время будет предметом стремлений отдельных американских политических вождей, как на Севере, так и на Юге. Сначала эти идеи были главным образом достоянием молодых государств, боявшихся потерять свою независимость, купленную такой дорогой ценой. Соединенные Штаты относились спокойно, почти безразлично к подобным принципам и только позднее, когда Штаты окрепли и выросли, они стали больше интересоваться судь-

бами латинских американских республик. Но в среде последних эти идеи имели очень глубокие корни. Когда самый крупный из южно-американских вождей Боливар, после поражений в 1814 г., поселился в изгнании в Кингстоне, он писал пророческие слова о неизбежности мирного объединения не одних только народов Америки, но и целого света. Такая совместная работа и спокойное общение станут в будущее время возможны только благодаря росту американского влияния. Через несколько лет, когда борьба уже приближалась к своему благополучному концу, Боливар обратился к правительствам Буэнос-Айреса, Чили, Перу и Мексики с предложением «создать Федерацию, и собрать в Панаме, или другом пункте, намеченном согласно желанию большинства, конгресс уполномоченных от каждого государства, конгресс, который станет нашим советом во всех больших конфликтах, связующим звеном во всех общих опасностях, истолкователем публичных договоров при затруднениях в их применении и, наконец, посредником и примирителем наших споров». Ради этой цели Колумбия, согласно предложению Боливара, вступает в ряд договорных соглашений с Перу, Чили, Буэнос-Айресом. В этих договорах чрезвычайно важным является установление третейского суда для разбора всех

могущих возникнуть конфликтов между договаривающимися государствами, и обязанность предлагать свои посреднические услуги при конфликтах между третьими государствами. С совокупность этих договоров должна была привести к созданию общего союзного договора и к учреждению «вечной лиги», внутри которой все споры народов должны были решаться не применением оружия, но правового веления. За два дня до решительного и полного поражения испанских войск, 7 декабря 1824 г. Боливар обратился с замечательным циркулярным письмом к соседним южно-американским правительствам. «После пятнадцати лет самоотверженной борьбы за независимость Америки и для создания системы общей защиты, долженствующей быть и в мире и в войне нашим верным прибежищем, настало время, чтобы заложить твердую основу взаимным интересам и связям, объединяющим американские республики, бывшими прежде испанскими колониями, чтобы этим надолго обеспечить устойчивость нашего господства...» Боливар думал, что, по примеру Соединенных Штатов в 1778 г., удастся сделать южно-американский союз постоянным, что союз этот будет стоять на страже соблюдения международных договоров, что внутри объединения он обеспечит мир и безопасность и что он создаст постоянные органы посредничества и третейского суда.

Проект Боливара однако не получил практической реализации. На Панамский конгресс, который открылся 22 июня 1826 г., прибыли лишь делегации от четырех американских государств: Колумбии, Перу, Мексики и Соединенных Штатов Центральной Америки. Американский президент Адамс, сменивший Монрое, был противником сближения с другими американскими республиками и только благодаря энергичным настояниям Клау были посланы два северо-американских делегата, из которых однако один умер в пути, а другой приехал слишком поздно, когда работы Панамского конгресса уже закончились. В Панаме были выработаны замечательные проекты договоров, прежде всего устанавливавших принцип *взаимной гарантии* политической независимости и территориальной неприкосновенности. Принцип этот приводил к тому, что не допускались нападения. Нападающее государство считалось врагом свободы и независимости всех народов. С таким врагом нельзя было заключать сепаратного мирного договора и против такого врага надо было выступать сообща, оказывая взаимную военную помощь на суше и на море. Границы, установленные мирным путем, становятся тоже под общую охрану. Главным органом союзного объединения должно быть «Об-

щее Собрание», функции которого отчасти кодификационного характера, отчасти судебно-формального: разбор и улаживание споров между членами союза. Мирные способы разрешения международных споров должны однако найти свое применение не только в рамках союза, но и по отношению к государствам, с которыми у членов союза возник конфликт и которые находятся вне союза. В таком случае союз или его члены, прежде чем прибегнуть к кровопролитию, должны обратиться с просьбой о посредничестве к третьим державам. Кроме этих основных начал, Панамский договор содержал и целый ряд специальных постановлений, и в том числе запрещение невольничества. Панамский акт не получил однако одобрения даже со стороны тех четырех государств, которые послали на конгресс своих представителей. Одна только Колумбия торжественно его ратифицировала. Но значение историческое и правовое Панамского конгресса остается очень крупным. В противоположность строгому порядку и мертвой окаменелости, которые пытался создать в Европе Священный Союз, здесь на американском континенте с пророческим предвидением выдвигаются основные и центральные проблемы международной жизни: защита личности государства от правонарушений и замена войны, как

способа защиты своего права, другими более совершенными средствами: третейским судом и посредничеством. Другой вопрос, важный для Европы — о разоружении — для государств Нового Света не имел такого значения, как для европейских держав и особенно в конце XIX и начале XX века. Отсутствие слишком могущественных в военном отношении государств делало эту проблему для американских народов неизмеримо и менее острой и менее животрепещущей.

Позднее южно и центрально-американские государства делают повторные попытки правового объединения, но нормально эти попытки заканчиваются неудачей. Когда в 1846 и 1847 гг. Испания как будто желает оказать помощь свергнутому диктатору Эквадора генералу Флорес, когда северо-американские авантюристы во главе с Уокером вторгаются в Мексику, когда в 1861 г. Сан-Доминго присоединяется к Испании и тремя годами позднее французские войска возводят на мексиканский престол императора Максимилиана, — с удивительной настойчивостью на этого рода вмешательства в свои внутренние дела центрально и южно-американские народы отвечают конгрессами в Лиме (1847 г.), Санто-Яго (1856), и опять в Лиме (1864 г.). Однако, созываемые под влиянием преходящих политических мотивов, эти

конгрессы дают мало положительного и лишь свидетельствуют о том, что федералистические тенденции, в защиту которых с такой энергией выступал Боливар, остаются живучими несмотря на то, что уже прошли долгие десятилетия, и они даже частично не претворились в жизнь.

Совершенно другой отпечаток принимают эти тенденции, когда в защиту их выступают Соединенные Штаты. В 1880 г. Колумбия пытается снова собрать представителей американских республик для установления общего третейского суда, и американский ст. секретарь Джеймс Блэн, очень талантливый и очень энергичный, решился взять инициативу в свои руки и в корне изменить и северо-американскую привычку изолированного существования и прецеденты американских конгрессов XIX века, в сущности объединявших исключительно латинские республики. Блэн выдвигает другие начала. Он говорит в своей ноте, адресованной из Вашингтона 29 ноября 1881 г., что правительство Штатов всегда стремилось к тому, чтобы предохранить американский континент от опасностей войны. По своему руководящему положению и благодаря своему авторитету Штаты могли бы придать своим выступлениям характер не только добрых услуг, но почти принуждения. Однако Штаты воздерживались от последнего.

Штаты всегда выступали лишь в роли дружественного посредника и примирителя государств в конфликте. За последние годы все сильнее чувствуется стремление центрально и южно-американских народов передавать споры, даже касающиеся наиболее жизненных сторон международной жизни и особенно границ, на разрешение третейским судам. Соединенные Штаты с глубоким удовлетворением констатируют, что стороны в конфликте очень часто обращались к посредничеству их правительства. Наличие этого стремления свидетельствует о том, что обстановка уже созрела для полезной и необходимой солидарной деятельности всех государств западного полушария, деятельности, направленной для реализации интересов человечности и на благо вселенной в целом. Ни одно из американских правительств не может относиться с такою неприязнью к международной или гражданской войне, как северо-американское. Однако оно надеется, что и другие американские правительства объединят свои усилия, чтобы положить конец братоубийственным столкновениям. Во имя этой цели президент Штатов обращается ко всем независимым государствам Северной и Южной Америки с предложением принять участие в конгрессе, работы которого начнутся 24 ноября 1882 г. в городе Вашингтоне. Задача

собрания — изыскать средства, чтобы предотвратить в будущем войны между народами Америки. Надо найти путь к тому, чтобы не было больше места жестокой и кровавой борьбе между людьми одной крови и одного языка. И одновременно надо изыскать средства и против еще более суровой внутри-государственной гражданской войны. Последствия этих кровопролитий достаточно известны: финансовое разорение, тяжелая задолженность, обременительные налоги, обеднение населения, трупы убитых людей, вдовы и сироты, последствия становящиеся роковым бременем не только для настоящих, но и для будущих поколений. — Обращаясь с этим призывом, Штаты отнюдь не хотят выступать в роли руководителя будущего собрания и менее всего склонны заранее намечать те или другие решения вопросов, подлежащих обсуждению на собрании. Еще менее Штаты стремятся к конкретной ликвидации тех или иных конфликтов, имеющих место сейчас между отдельными народами Америки. Задача собрания не столько положить конец настоящим спорам, сколько предусмотреть для будущего организацию, обслуживающую *общие интересы*. Ради этой цели Штаты хотят созвать собрание, где им отнюдь не будет принадлежать особой роли и особого положения, но где будет проведен с пол-

ною последовательностью принцип равноправия и координации. Только при преодолении противоречивых интересов различных американских народов Штаты сохранят за собой право быть и элементом умиротворяющим, и элементом способствующим успешной деятельности собрания. Что же касается числа делегатов, то представительство Штатов будет таким же, как и других государств.

Предложение Штатов встретило восторженный отклик в Южной и Центральной Америке. Президент Колумбии в своей ответной телеграмме говорил: «Будущность Южной Америки под защитой великой Республики, являющейся и нашим учителем и образцом для нас, теперь будет навсегда обеспечена...» «Преодоление войн — гласил ответ Мексики — без сомнения самое благородное стремление, имеющее для морального и материального преуспеяния народов решающее значение». Таковы были ответы и от других американских государств, но конференция так и не состоялась, потому что в Южной Америке война между Чили, с одной стороны, и Боливией и Перу, с другой, приняла затяжной характер, что с неизбежностью должно было отразиться на успешной деятельности Вашингтонского собрания. Но от своей мысли северо-американское правительство все-таки не отказалось. В последующие два года законодатель-

ные палаты в Штатах обсуждали вопросы об организации не только правового сближения с народами Америки, но и об улучшении торговых сношений и о создании таможенного пан-американского союза. Летом 1884 г. была учреждена, в силу специального закона, «южно-американская комиссия», которая совершила путешествие по Южной и Центральной Америке, опубликовала об этом очень подробный доклад и нашла повсюду подходящую почву для правового и экономического американского объединения. Но только в 1889 г. эти проекты, наконец, получили свое осуществление. В приглашении, которое исходило из Вашингтона, намечалась большая и разносторонняя программа. Здесь наряду с поддержанием мира и с заключением общих договоров о третейском суде, выдвигается и проблема таможенной унии и однородных тарифов, общей системы мер и веса, общей охраны промышленной собственности, авторского права в области искусства, общего порядка судебной и специально-уголовной помощи и, наконец, создание общей американской серебряной валюты. Если бы все эти предположения целиком осуществились, то тогда образовалась бы на Новом Свете грандиозная конфедерация, наиболее могущественная и в политическом и в экономическом отношении из всех когда-либо суще-

ствовавших в истории мира. С известною гордостью ст. секретарь Джеймс Блэн, открывая Вашингтонскую конференцию, указал, что территория государств, представленных на собрании, охватывает 12 миллионов квадратных миль, т. е. пространство в три раза больше европейского, что по населению здесь представлены 120 миллионов. В будущем мощь Америки усилится в грандиозном масштабе, но эта мощь создает и чувство глубочайшей ответственности перед историей и народами. На этой конференции — говорил дальше Блэн — будет царить начало абсолютного равенства. Ни один делегат не будет вынужден к отказу от защиты интересов своей страны. Конференции будут совершенно незнакомы тайные переговоры и тайные соглашения. Она не потерпит и духа завоевания, но ее цель будет усилить чувство американской солидарности, которая одинаково должна охватить и Север и Юг. Американские народы никогда не забудут своей общей судьбы, создавшей им местопребывание на заокеанской земле и через четыре века сохранившей свое название «Нового Света». Общее положение создает общие симпатии и возлагает общие обязанности. И надо верить, что американские народы уже созрели для того, чтобы понять насколько им необходима общая поддержка и общая помощь. Море

и морские сношения должны теснее связать народы американского материка, а на суше должен настать момент, когда на Панамском перешейке произойдет стык железных дорог южных и северных. Непрерывная сердечная общая работа, основанная на взаимном доверии, приведет к тому, что войне не будет более здесь места и что на Новом Свете воцарится дух справедливости. В Америке нет и не будет места искусственной системе политического равновесия, и дружба американских народов предотвратит их от необходимости защищать свои границы крепостями и армиями. Всеобщая воинская повинность и постоянные армии останутся Америке неизвестными. Дружба, а не сила, дух справедливого закона, а не насилие черни — должны стать общим правилом управления между и внутри американских государств. Но первым необходимым условием должно быть взаимное доверие, без чего и дружба народов была бы невозможна. — Такова была программа первого настоящего пан-американского конгресса, выдвинувшего сразу совокупность всех наиболее острых проблем международной американской жизни. И особенностью политических отношений Америки является то, что на международном собрании ставится не только вопрос о борьбе с войной международной, но и с войной гражданской,

могущей вызвать и нормально вызывающей постоянные столкновения внешне-политического характера. Грандиозную программу пытались разработать 16 специальных комитетов, из которых особого внимания заслуживал «комитет общего блага», имевший своей главной задачей выработку проекта общего договора о третейском суде. В данном месте меня не интересуют вопросы санитарной полиции, судебной помощи, таможенных тарифов, облегчения проникновения чужих подданных, мореплавания и таможенной унии. Эти проблемы получили свое более или менее удачное разрешение в ряде договоров, но вследствие отсутствия ратификаций, они потеряли свое практическое значение и остались лишь в качестве материалов для работ других пан-американских конференций. Совершенно другое значение имели работы «комитета общего блага». Здесь работа привела к троякого рода результатам. Во-первых, в торжественной форме был провозглашен принцип обязательного третейского суда. Обращение к последнему объявлялось основным началом «американского международного права». При столкновениях по вопросу о консульских и дипломатических привилегиях, при спорах территориального характера, при недоразумениях, при применении договоров третейский суд остается обязательным.

Точно так же третейский суд остается обязательным и при других спорах. Только в *одном случае*, когда дело идет о независимости государства, последнее может отказаться от третейского разбора, но, если оно соглашается, тогда третейский суд делается обязательным и для другой стороны. Меньше значения имеет технический вопрос об организации суда, но зато исторически и юридически чрезвычайно ценным является документ, в силу которого запрещается *нападение и завоевание*. В нем очень отчетливо проявляется стремление американских народов поставить под защиту коллектива свое право на личную неприкосновенность. Обязательный третейский суд и наступательные войны несовместимы друг с другом. Если принять принцип обязательности, то он обозначает, что не силой оружия, но силой права будет решен спор. И на Вашингтонской конференции поняли все значение той проблемы, которая под именем «гарантий безопасности» была выдвинута европейскими государствами после мировой войны. Современники не могли оценить всего значения этого акта, но для поколения, пережившего 1914—1918 г. г. смысл его более чем понятен. В резолюции, принятой собранием, говорится: «... завоевательная война одного американского народа против другого должна рассматриваться

как ничем необоснованный акт насилия и разбоя; ... возможность нападения на государственную территорию приведет лишь к разрушительной системе вооружений в мирное время; ... цель народов должна свестись к упрочению государственной стабильности и к установлению справедливых международных отношений между государствами американского материка...» По этим основаниям резолюция запрещает как завоевание, так и присоединение территории, если последнее имело место под угрозой войны или при наличии вооруженной силы. Но не только в силу провозглашения этих принципов Вашингтонская конференция должна была бы занять почетное место в истории попыток дать совокупности народов высшую правовую организацию. В Вашингтоне ясно понимали, что Новый Свет живет не изолированно от жизни вселенной. Тысячи политических и экономических нитей тесно связывали судьбу Америки с судьбой Европы. Опасность вооруженного столкновения могла возникнуть не только потому, что имелся конфликт между американскими народами, но и потому, что мог возгореться спор между молодыми государствами Америки и старыми державами Европы. Пограничные споры возникали неоднократно в связи с наличием европейских колониальных владений.

Споры финансового характера возникали потому, что Франция и Англия были кредиторами многих латинских республик. Поэтому участники Вашингтонской конференции приняли очень сдержанную и осторожную резолюцию, где выражается пожелание, чтобы споры между американскими и европейскими народами тоже находили бы свое разрешение не путем войны, но мирными способами. Осуществляя эту резолюцию, президент Соединенных Штатов ознакомил в любопытном послании от 29 октября 1890 г. европейские правительства с проектом договора о третейском суде и пригласил их присоединиться к этому договору. Во Франции, Дании и Швейцарии отнеслись к американскому предложению с большими симпатиями. В целом ряде парламентов: в итальянском, румынском, нидерландском и в немецком предложение Штатов послужило предметом интерpellаций, а в британской палате общин выступление Рандаля Кремера в 1893 году привело к тому, что вскоре начались переговоры, приведшие к заключению англо-американского договора о третейском суде (1897 г.).

Дальнейшим толчком к развитию пан-американского движения были гаагские мирные конференции. Предложение России созвать общее собрание представителей всех государств для огра-

ничения вооружений и изыскания способов для борьбы с войной, как с нормальным способом разрешения международных столкновений, должно было найти свой отклик и в Новом Свете. Вторая пан-американская конференция была созвана тоже по инициативе Соединенных Штатов, но на этот раз в Мексике (1901—1902 г.). Здесь вопрос о третейском суде уже не ставился в такой широкой и всеобъемлющей форме, как это было одиннадцать лет тому назад в Вашингтоне. Дело шло лишь о присоединении некоторых американских государств, не получивших приглашения на первую мирную конференцию, к Гаагской Конвенции 1899 г. о мирном разрешении международных споров. Правда, Аргентина, Боливия, Мексика, Парагвай и ряд других государств внесли проект договора, устанавливавшего обязательный третейский суд по всем вопросам, кроме затрагивающих независимость и национальную честь народов, но этот договор так и не получил своего практического применения. Гораздо больше имели значение соглашения о торговых сношениях, об интерконтинентальном железнодорожном пути, о создании пан-американского банка, о кодификации публичного и частного международного права, о санитарной службе и сборе статистических сведений и т. д. Здесь устанавливался целый ряд по-

стоянных точек соприкосновения и оправдывалась необходимостью рядом с международным бюро создать и совет управления с ст. секретарем Штатов как постоянным председателем. Наконец, другим важным постановлением было признание *периодичности* созыва конференций (через каждые пять лет). Таким путем пан-американское объединение 21 государства привело к созданию специальных органов, долженствующих непрерывно поддерживать преемственность в деле упрочения связей народов Америки. В этом смысле мало нового дала как третья пан-американская конференция (в Рио де Жанейро в 1906 г.), так и четвертая, собранная с большим перерывом в 1923 г. в Санто-Яго. На последней проявились новые тенденции. Американские народы, чувствуя ту исключительную мощь в политическом и материальном отношении, которую после мировой войны проявили Соединенные Штаты, стали относиться с опасением и недоверием к своему соседу, как-будто переставшему быть простым другом и примирителем, но ставшему еще и очагом экспансии, грозившей прежде всего поглотить территорию ближайших, более мелких и более слабых соседей. Некоторые делегаты поэтому стали настойчиво выдвигать идею создания американской Лиги Наций. Однако эти трения и наличность опасений со стороны более слабых ла-

тинских республик не могут ослабить значения великого пан-американского союза, если и не создавшего сразу одним толчком господства права и преодоления насилия в международных отношениях американских государств, то всетаки очистившего сгущенную атмосферу взаимного недоверия и постепенно вытеснившего обычай прибегать для решения споров к *ultima ratio* — войне. За два последних десятилетия крупных вооруженных столкновений в Америке не было. И сами Соединенные Штаты в этом отношении давали пример другим американским государствам. В мае 1914 г. война между Мексикой и Штатами казалась неизбежной. Американский морской десант в Вера-Круц подвергся нападению и понес потери убитыми и ранеными. Однако Вильсон, будучи тогда президентом, не пожелал делать из этого предлога для карательной войны. Он с удовольствием согласился на посредничество Аргентины, Чили и Бразилии, и конфликт был удачно ликвидирован дипломатическим путем. Пан-американский союз не только обеспечил народам Нового Света мирное развитие, он привел их и к более тесному культурному и экономическому сближению и, если проект таможенного союза оказался утопией, то мировая война показала с наглядностью общность интересов американских республик по отношению

к Европе. В будущем политические интересы и проблема отношений Америки к Азии еще больше скрепят те узы, первые основы которых были заложены на Вашингтонской конференции 1889—1890 г. Штаты однако сыграли не только активную и положительную роль в правовом, культурном и экономическом сближении народов Америки. Штаты никогда не забывали доктрины Монро и выступали, когда это было нужно, для защиты личной неприкосновенности и прав на свободное существование народов Нового Света. Когда в шестидесятых годах происходит франко-испанское вмешательство во внутренние дела Мексики и когда создается эфемерная мексиканская империя, Штаты самым решительным образом высказываются и против военной оккупации Мексики европейскими войсками и против восстановления там монархии. Штаты признают лишь национальное мексиканское правительство Жуареца и своей моральной и материальной поддержкой облегчают возможность мексиканцам избавиться от иноземного ига. Точно так же Штаты поступают и позднее, когда Венецуэла оказалась в конфликте с Англией, и когда британское правительство решительно отклонило настойчивые просьбы венецуэльского о передаче спора на разрешение третейскому суду. Тогда 20 июля 1895 г. в известной ноте ст. секре-

тарь Ольней поставил британское правительство в известность, что спор территориального характера в Америке затрагивает доктрину Монро и что на страже последней будут всегда стоять Штаты со всеми своими неисчерпаемыми ресурсами, Штаты, которым практически принадлежит суверенная роль в Америке и которые сами по своему географическому положению неуязвимы для европейских держав. Английское правительство в своем ответе могло указывать, что доктрина Монро совсем необязательна для Великобритании, но, когда выяснилось, что и американский президент Кливленд, и конгресс, и общественное мнение не только единодушны в поддержке Венецуэлы, но даже готовы идти на самые решительные меры, — в Лондоне решили капитулировать, спор с Венецуэлой был передан третейскому суду, и Штаты своей энергией добились уважения со стороны могущественной европейской державы прав маленького американского народа. Но Штаты выступали не только в качестве защитника уже существующих государств Америки. Они еще играют роль и силы, создающей новые свободные образования. Ст. секретарь Ольней в девяностых годах в одной из своих многочисленных нот, привел любопытные соображения о том, что «три тысячи морских миль и наличие океана делают и

мало естественным и мало удобным политические связи между американскими и европейскими государствами...» И отсюда был сделан вывод, что единственно естественным завершением политического развития европейских колоний в Америке должно быть достижение ими полной самостоятельности. Установив у себя свободный республиканский строй, Штаты считают, что такой строй должен быть нормальным и для других народов Нового Света. Поэтому Штаты были готовы повсюду приветствовать эмансипацию европейских колоний и, когда в Кубе несколько раз в течение девятнадцатого века вспыхивало восстание против испанского владычества, Штаты всегда глубоко симпатизировали восставшим и только по политическим мотивам до 1898 г. воздерживались от открытого выступления и открытой помощи населению Кубы. Уже в 1896 г. Дэвис вносит в сенат резолюцию, утверждающую, что на острове Кубе испанские власти осуществляют свой политический испанский режим, принимающий характер военного деспотизма и что такое расширение испанской системы управления есть нарушение принципов Монрое. Несмотря на полную уступчивость Испании и дружественное посредничество великих европейских держав, американский президент Мак-Кинлей считает, что только оружием

можно обеспечить свободу и независимость кубинского народа. Эта война ведется не ради эгоистических целей Штатов, но для освобождения маленькой угнетенной народности от чужеземного ига. Война эта называлась американцами христианской войной, крестовым походом и она должна была раз навсегда гарантировать Кубе самостоятельное государственное существование. Правда, при своей реализации эта цель оказалась отнюдь не легко и просто достижимой. Своеобразие экономических условий, неопытность в организации государственного управления, внутренние политические раздоры — все это привело к тому, что американская оккупация в молодой американской республике сначала затянулась до 1902 г.; потом оказалось необходимым отправление американского флота в кубинские воды в 1912 г., и затем состоялась частичная оккупация Кубы сухопутными войсками с 1917 г. Формально однако Куба — независимая республика, и Штаты осуществляют по отношению к ней лишь верховный политический и экономический контроль, имеющий характер лишь временной помощи национальным кубинским государственным органам и в корне отличный от военно-полицейского режима Испании. Но, если по отношению к Кубе были достигнуты результаты, прежде всего исключительно благо-

приятные для кубинского населения, и если эра самостоятельного существования Кубы есть время исключительного культурного и материального расцвета, то Штаты иначе поступили при провозглашении самостоятельности Панамы в 1903 г., когда вопрос шел о расчленении независимой республики Колумбии во имя экономических, политических и стратегических интересов Штатов, для которых было желательно установление в районе Панамского канала сферы своего исключительного контроля, на что было несогласно колумбийское правительство. И в этом инциденте с Колумбией ясно вырисовывается другой облик Штатов, выступающих уже не в ответственной роли вождя и руководителя народов Америки, но в качестве защитника и проводника своих великодержавных интересов, которые могут совпасть с функциями пан-американского умиротворителя, но могут оказаться с ними в самом непримиримом противоречии. Однако, если с точки зрения американских народов здесь имеется столкновение двух направлений и двух точек зрения, то с точки зрения всечеловеческой и в этом, как и в других подобных случаях, политика Штатов если не может получить полного морального оправдания, то должна получить свое политическое объяснение. Панамский канал должен был стать жизненной ар-

терией для Штатов, путем торговым и военным исключительной важности. Контроль Штатов обеспечивал его от возможности стать местом кровопролитной междоусобной борьбы и, если это соответствовало материальным выгодам Штатов, то в известной степени это было благоприятным моментом и для международных интересов в целом. Конечно, сам по себе исключительный контроль одной великой державы над путями мирового значения вряд ли представляется желательным, но при невозможности — при современных политических условиях — организовать общий контроль с привлечением европейских и азиатских держав, наблюдение Соединенных Штатов над Панамским каналом является меньшим злом, чем господство над ним Колумбии. События 1903 г. были лишь первым симптомом нового порядка отношений Соединенных Штатов к своим ближайшим — и более слабым — соседям — центрально-американским республикам. Здесь вскоре складывается тенденция общего контроля и покровительства всем политическим американским образованиям, лежащим в бассейне Карибского моря. Штаты здесь заинтересованы прежде всего в стабильности власти этих мелких тропических республик, где перевороты особенно часты и особенно болезненно ощущаются именно Штатами. Штаты не хо-

тят, чтобы здесь возникли поводы для европейского вмешательства. И эти две цели продиктованы военными соображениями: стратегическим значением Панамского канала и затем выросшими в громадном масштабе торговыми интересами Штатов. Здесь за два последние десятилетия в ряд предприятий по добыванию нефти, асфальта, по торговле фруктами, по выработке сахара вложены сотни миллионов американского капитала, и наряду с этим торговля Штатов с этим районом со 195 миллионов долларов уже в 1919 г. превысила один миллиард. Здесь наблюдение и контроль Штатов принимает очень гибкие формы. В Сан-Доминго уже в 1907 г. был установлен финансовый контроль, в 1916 г. последовала военная оккупация, ликвидированная только в 1924 г., но права и полномочия финансового контроля сохранились, и даже в расширенном виде. Напротив, в Гаити, начиная с 1915 года установилась система политического протектората, принявшего очень суровые формы особенно с 1917 года. Режим, установленный в Гаити, вызвал резкую критику в части американской прессы, но специальный комитет сената, произведший расследование положения в Гаити, признал необходимым в 1922 году продолжить военную оккупацию, не ограничивая ее во времени. Точно так же формально под аме-

риканский протекторат подпала и республика Никарагуа с 1914 года. Еще раньше, началась в 1912 году и продолжалась по 1925 г. военная оккупация. Протекторат Штатов получил свое косвенное подтверждение и в соглашении с Никарагуа в 1916 году.

В этих центрально-американских республиках Штаты выступают не в роли дружественного посредника, но авторитарного хозяина и господина, желающего установить спокойствие и порядок в областях, политически и экономически ему нужных. Американские генералы и адмиралы выступают в роли римских проконсулов, и здесь находит свое отражение не старая революционная и демократическая традиция, но новая тенденция XX века, выросшая из новых потребностей Штатов, как мировой державы, не боящейся добиваться своих задач путем насильственной экспансии и принудительного господства. Однако по самой природе своей, по своей внутренней организации Штаты не могут быть обыкновенной колониальной империей и не могут долгое время удерживать целые народности путем механического подчинения. Великой республике известен процесс «облагорожения», предоставления прав, принадлежащих Штатам, областям, которые были раньше на подчиненном положении простых территорий. Этот

процесс установлен внутренними прецедентами и он сделал возможным наличие 48 государств, образующих в настоящее время Соединенные Штаты. В известном смысле Штаты могут расширяться до бесконечности и, в силу этого, их система свободного федерализма неизмеримо более живуча, чем жесткая система британской мировой державы, способной к постепенному ослаблению единства, но не могущей найти примирения принципов свободы и господства.

Наоборот, роль Штатов в этом смысле неизмеримо глубже и значительнее. Как государство, как «более совершенный союз» Штаты могут расширяться, не обезличивая и не растворяя в себе чужие народности. Как союз суверенных государств, как исторический отпрыск международной конфедерации 1778 г., Штаты могут и будут поборником свободного объединения и не только народов Нового Света, но и всего человечества.

III

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

В отношениях Соединенных Штатов к Европе лежит как-будто глубокое противоречие и странная двойственность. Новый Свет должен жить своей жизнью, а старая Европа — своей. Доктрина Монрое отражает в известном смысле традиции демократического провинциализма, завещанные великим Вашингтоном и как-будто сохранившие свою практическую силу в течение целого века. Но у того же Вашингтона были другие слова и другие мысли. Он считал, что опыт федерального объединения будет иметь универсальное значение и универсальное применение. И, если первый американский президент предостерегал Штаты от опасностей политических союзов с европейскими державами, то это не обозначало, что Штаты не

могут оказывать моральной поддержки борьбе за демократические принципы и не могут отказывать другим народам в праве брать себя за образец. Если доктрина Монрое требует уважения к личным правам молодых американских государств и если она утверждает, что для нарождения государств нужна лишь свободная воля управления, то ясно, что дело идет не о провозглашении начала типично американского, но о гораздо более широком принципе, могущем найти свое применение во всех частях земного шара. Точно такое же универсальное значение имеет и начало об учрежденческой власти народа, поскольку эта власть может проявляться в смене одних правительств другими. Отсюда и утверждение Монрое — ответственное и декларации независимости 4 июля 1776 г. — что всякое *фактическое* правительство, возникшее революционным путем, должно рассматриваться как правительство *законное*. И выводы, проистекающие из подобных принципов, находят свое приложение и по отношению к европейским народам. Штаты готовы признать революционную Грецию, когда ей еще не удалось освободиться от турецкого угнетения. Штаты симпатизируют героической борьбе Венгрии, и для перевозки Кошута командируются в Европу военный фрегат «Миссисипи». Штаты восторженно привет-

ствуют Французскую Республику в 1848 г. и 1870 г. Штаты горячо сочувствуют революционной борьбе Ирландии против английского владычества. Но все это скорее факты из области политических настроений, чем из области правовых прецедентов. И, несмотря на силу своего сочувствия и симпатий, активной роли в европейской политике Штаты не желают играть. Они остаются всегда лишь зрителем и свидетелем событий и не пытаются оказать влияние на их исход. Во второй половине XIX века, в период гражданской войны, Штаты встречают определенно враждебное отношение со стороны Франции и Англии, и, наоборот, больше всего симпатий имеют со стороны русского правительства и русского общественного мнения. Но реакционный период русской истории в эпоху Александра III и начала царствования Николая II создает охлаждение русско-американских отношений. Неудачный подбор русских дипломатов в Вашингтоне, еврейские погромы и личная антипатия к России выдающихся американских деятелей (особенно Рузвельта), наконец, глубокое принципиальное различие между началами русского неограниченного самодержавия и американского строя свободной демократии — все это делало чрезвычайно затруднительным сближение России и Штатов. С Англией у Штатов тоже было мало поводов

к особенно дружественным отношениям. Воспоминания о тяжелой борьбе за независимость, частые конфликты территориального характера, столкновение в 1895 г. из-за Венецуэлы не были благоприятным фактором в американско-английских отношениях. С Французской Республикой северо-американская демократия имела гораздо больше точек соприкосновения. Имена Лафайета и Рошамбо тесно связаны с американской борьбой за независимость. Кроме столкновения в связи с поддержкой Наполеоном III попытки монархической реставрации в Мексике и кроме отрицательного отношения Франции к войне Штатов с Испанией, других поводов для серьезных недоразумений между американским и французским народом не было. Наконец, что касается Германии, то Штаты испытывали некоторое уважение к немецкой военной мощи, но и тут не было никаких оснований для установления как враждебных, так и дружественных отношений. Штаты мало интересовались тем, что в Европе на исходе XIX века сложилась система двух враждебных коалиций и что наличность двух громадных военных лагерей в непосредственной близости друг от друга могла привести мир к еще невиданной кровавой катастрофе. Правда, Штаты отнеслись с большей симпатией к русскому предложению 1898 г. о всеобщем ограничении

вооружений и о применении мирных способов для ликвидации международных споров. Тогда еще было неясно все глубокое значение этого трагического призыва русской власти, призыва, направленного к тому, чтобы предотвратить неизбежно надвигающуюся роковую грозу. Россия от мировой войны ничего не могла выиграть и могла лишь много потерять. Поэтому русская власть почти с упорством отчаяния цеплялась за идею мира, не сознавая, что реализация подобных начал потребует долгих и тяжелых усилий. Штаты приняли участие в работах мирных конференций и сыграли там крупную и умиротворяющую роль. Но это не обозначало, что Штаты были готовы приблизиться к Европе и были готовы принять участие в ее конфликтах. Эмпирически однако развитие Штатов как мировой державы, их расширение на Тихом океане в связи с завладением Филиппинами, их энергичное экономическое и культурное проникновение в Китае и их упорное желание сохранить там принцип открытых дверей, их оппозиция чрезмерному усилению русского влияния на Дальнем Востоке, их тесная связь с европейскими рынками, их все увеличивающийся вывоз и сырья и фабрикатов, их необычайный экономический рост в первое десятилетие XX века — все эти факты противоречили идее американской замкнутости

и отрешенности. Штаты перестали быть чуждыми общей жизни вселенной, и все значительные события на земном шаре в Европе, или Азии прямо или косвенно затрагивают северо-американские интересы. Принципиально Штаты были чужды тем потрясениям, которые переживает Европа после младотурецкой революции 1909 г. и после активного выступления на Балканах Австрии. Американская дипломатия не достаточно оценивала всю сложность и всю драматичность событий. Умиротворить Европу могла другая великая англо-саксонская держава, а из Вашингтона даются лишь инструкции о возможно более сдержанном поведении американских представителей в столицах Европы. Однако северо-американское правительство, если и сознавало для себя невозможным предотвратить надвигающуюся европейскую боробу, то, с другой стороны, было готово предпринять все шаги, чтобы сделать маловероятным столкновение Штатов с европейскими государствами. Американский ст. секретарь Брайан — убежденный пацифист — добился того, что Штаты заключили более 30 договоров с различными странами, в силу которых споры, не подлежащие третьей стороне, должны были передаваться на рассмотрение специальным международным анкетным комиссиям, задача которых была устано-

вить лишь *фактическую* сторону дела. По существу, однако, функции этих комиссий гораздо значительнее. Постановление такой комиссии будет всегда и решением вопроса, кто прав и кто неправ. Передавая свой спор на рассмотрение международной комиссией, государства не только теряют время, но и в известном смысле уже заранее отказываются от применения вооруженной силы. В этом смысле Штаты наметили новый путь для поддержания мира, путь, по которому не решились пойти мирные конференции, но путь, который с неизбежностью должен был дать реальные результаты. Заключение этих договоров имело место непосредственно перед началом и во время мировой боробы. Германия и Австрия не пожелали заключить подобных договоров, наоборот — Великобритания, Франция, Россия и Италия заключили такого рода соглашения со Штатами и этим, в смысле правовом, установили более тесное сближение с великой американской Республикой.

Мировая война была неожиданностью и для Европы и для Америки. Если европейская дипломатия в своей секретной переписке уже давно считалась с вероятностью кровопролитного столкновения народов Европы, то, наоборот, общественное мнение и широкие народные массы, чуждые ди-

пломатическим интригам и грандиозным военным приготовлениям, были застигнуты врасплох разразившейся катастрофой. Когда же выяснились неслыханные размеры кровавых столкновений и когда первые недели борьбы привели сразу к потерям сотен тысяч человеческих жизней в долинах Бельгии и Франции, тогда почти паническое настроение страха охватило нейтральные страны, решившие во что бы то ни стало отказаться от участия в споре народов, принявшем характер стихийной бури, грозившей гибелью и виновным, и невинным.

Штаты провозгласили свой нейтралитет. Американский президент Вильсон в обращении к народу указал, что другого решения быть не может, и требовал от своих граждан уважения к обязанностям нейтральных. Америка могла сочувствовать Бельгии, лишенной свободы, истекающей кровью, невинной жертве германского нападения. Рузвельт нашел для этого жестокие и справедливые слова по адресу немцев. И лидер республиканской партии в сенате Лодж, будучи в августе 1914 г. в Лондоне, тоже в частных беседах определенно выразил свои глубокие симпатии союзникам. Другими словами должен был говорить президент: «Мы не можем не испытывать к Бельгии симпатий, но мы должны ясно понять, что было бы неумно

произносить хотя бы одно официальное слово протеста без того, чтобы не сделать этот протест действительным. И только национальный долг мог бы заставить нас отказаться от нашего основного правила нейтралитета и не-вмешательства». Однако одновременно с декларацией нейтралитета, Вильсон предпринимает и другие шаги: он обращается к воюющим с заявлением, что с этого момента (это было 4 августа 1914 г.) до конца войны он всегда будет готов выступить в качестве посредника. Наконец, 6-го августа президент делает заявление о том, что Штаты будут стоять на страже прав нейтральных. Правда, когда возникает такой всеобъемлющий конфликт, как это было в роковые июльские дни 1914 года, когда пламя войны перекинулось в Азию и Африку, когда владения воюющих держав имелись и в Новом Свете, тогда трудно было верить тому, что удастся сохранить нейтралитет до конца войны. Вильсон был историком. Он очень хорошо знал, как в 1812 г. войны Наполеона вызвали конфликт и вооруженную борьбу Штатов с Англией. Но Вильсон понимал, что в начале борьбы единственным выходом для Штатов был нейтралитет. Великая Американская Республика носила на себе печать англосаксонской культуры и расы, но в северо-американских пределах были миллионы людей немецкого

происхождения, сочувствовавшие Германии в ее войне с Англией, Францией и Россией. И затем общее настроение американских народных масс было глубоко миролюбивым, и для этих масс борьба без определенного повода, затрагивающего национальную честь, была абсолютно неприемлемой. Вильсон хотел успокоить настроение населения, и в послании 18-го августа он выступил сторонником внутреннего мира, необходимого для той решающей роли, которую Штаты должны сыграть в момент ликвидации войны. Штаты — единственная великая нация, сохраняющая мир, единственный народ, могущий выступить беспартийным посредником и произнести слова успокоения и примирения не в качестве стороны в споре, но в качестве общего друга. В эти дни в Америке как-будто складывается упорное, почти религиозное убеждение, что надо сохранить мир, чтобы стать его проводником в последний момент истощения воюющих и их вынужденного сближения. Воюющие со своей стороны обращаются в Вашингтон, как в высшую беспристрастную инстанцию. Император Вильгельм, президент Пуанкаре, король Альберт бельгийский говорят о тяжких правонарушениях противной стороны. Американский президент не желает взять на себя обязанности судьи. Он только утверждает, что придет день,

когда война закончится, и что тогда наступит час суда и расплаты. Народы Европы соберутся на большое собрание и с общего согласия выработают решение, имеющее силу социального международного авторитета. Разрозненная, отдельная власть хотя бы нейтрального государства не может и не в праве произносить суждение о действиях воюющих. В этот момент еще можно было верить, что час суда и расплаты придет очень скоро, но через месяц, когда делается ясно, что кровопролитная тяжба народов Европы грозит стать почти бесконечной, президент Вильсон объявляет день 4 октября днем покаяния и молитвы. Вильсон был глубоко религиозным. И его дед, и его отец были проповедниками и духовными вождями своей общины. Сам он в своих публичных выступлениях говорил, что он пуритан-ковенентер, сторонник договора «Covenant», лежащего в основе христианско-религиозной и политической общины. Отсюда и глубокая вера в особое назначение великой «Общины Христа», каковой является северо-американский союз, и отсюда глубокое уважение к писаному договорному акту, долженствующему лежать в основе политического объединения. В обращении к американскому народу с удивительной силой проявляется религиозное чувство Вильсона:

«... великие нации взяли за оружие друг

против друга, и война на полях сражения бросает миллионы людей, принесение в жертву которых не могло быть предотвращено усилиями государственных людей.

«... в этом, как и в других вещах, наше право и наша обязанность искать света и помощи перед Господом Всемогущим, склоняясь перед ним, исповедуя нашу слабость и отсутствие мудрости, достойной задач нашего существования.

«Принимая во внимание, желание и стремление народа Американского Союза служить делу мира в молитве, советах и дружбе...

«... я, Вудро Вильсон, президент Соединенных Штатов, определяю воскресенье четвертого октября днем молитвы, и призываю всех лиц, боящихся Господа, посетить в этот день места церковного служения и, в единении с другими верующими, обратиться с молением к Богу Всемогущему, чтобы, беря руководство над людьми, изменяя течение вещей, ускользающих от человеческого управления, Он проникся милосердием к народам, захваченным порывом борьбы, указал людям путь там, где они его не видят, поддержал своих сынов, работающих на пользу мира и восстановил между людьми и народами согласие...

«В знак чего я прилагаю руку и даю приказ о наложении печати Соединенных Штатов.

«Дано в Вашингтоне в восьмой день сентября, в год от рождения Христа тысяча девятьсот четырнадцатый и в год независимости Соединенных Штатов сто тридцать девятый».

Эти слова были проникнуты глубоким страданием, известным религиозным фатализмом и кальвинистическим убеждением в предопределенность судьбы людей и народов. Поток событий пусть идет своим чередом, а Штаты со смирением и спокойствием будут ждать трагического — но заранее предопределенного — конца борьбы, и только тогда они скажут свое слово. И, наряду с этой пессимистической нотой, граничащей с отчаянием, в речах Вильсона слышатся и ликующие, победные мотивы: «Какая будущность открывается перед нами! Там вдали — вселенная в войне. Одна Америка сохранила мир. Из всех великих держав света одна Америка направляет свое могущество на благо народа. Одна только Америка всю энергию своего характера, все свои усилия направляет к тому, чтобы поддержать мир и благосостояние! Не кажется ли вам вероятным, что настанет день, когда весь остальной свет обратится к Америке и скажет: «Вы были правы, а мы заблуждались. Мы потеряли голову, а вы сохранили свой разум».

Такова была мирная программа вождя американской демократии, когда мировая борьба только начиналась, но скоро стало ясным, что вооруженная схватка народов, возгоревшаяся в Европе, не ограничится Старым Светом, что, подобно стремительному водовороту, она втянет и государства нейтральные и что в жизни вселенной могут быть такие мгновения, когда народы не могут быть простыми свидетелями разворачивающихся событий. Военная мощь Германии оказалась способной вести борьбу на два фронта, и своей железной пятой германские армии грозили растоптать не только Бельгию и Люксембург, но и ряд других мелких народов. Анти-немецкая коалиция оказалась слабо подготовленной к войне на суше и на море. Русские неудачи на фронте повысили немецкие шансы на возможность благоприятного для Германии исхода борьбы. Впервые со времени Наполеона Европа стала лицом к лицу с опасностью, что одному сильному народу с одной хищнической династией удастся установить свое единовластие над другими европейскими государствами, не располагающими достаточною физическою мощью, чтобы освободиться от роковой опасности порабощения. Простой факт отсутствия решительных успехов со стороны коалиции союзников был трагическим симптомом их слабости. Было время,

когда британское королевство было заинтересовано в поддержании политического равновесия в Европе. И тогда достаточно было бросить на чашу весов мощь Великобритании, чтобы опять наступило состояние относительного спокойствия и равенства сил. К концу 1914 года стало выясняться, что и сил Великобритании для этого было недостаточно. Только новая свежая держава могла бы положить конец кровопролитию и восстановить в Европе мир и порядок. В данном случае интересы были чисто отрицательными: нельзя было допустить господства Германии над Европой и надо было оказать помощь европейским народам, пока они еще не «почернели от истощения». Выдающиеся политические деятели Штатов поняли это почти одновременно, независимо от принадлежности к республиканской и демократической партии. В мае 1915 г. произошло событие, которое должно было как-будто бесповоротно втянуть Штаты в европейскую войну. Когда во второй половине февраля 1915 г. Германия торжественно объявляет Англию блокированной и ставит в известность нейтральных, что воды, омывающие британское и французское побережье, будут считаться немецкими морскими силами «военной зоной», Штаты решительно против этого протестуют: если германские военные суда осмелятся в открытом море топить американ-

ские суда и американских граждан, то это будет рассматриваться, как тяжелое нарушение прав нейтральных, ответственность за что ляжет на германское императорское правительство. Несмотря на это предупреждение, 8-го мая произошла неслыханная в истории морских войн катастрофа. Британский океанский пароход «Лузитания» был потоплен немецкой подводной лодкой без предупреждения, причем погибло свыше 1200 человек, в том числе 100 американцев. Взрыв негодования охватил американское население при этом потрясающем известии. Однако президент сохранил полное самообладание. Через три дня он выступил с публичной речью и, вопреки настойчивым требованиям некоторых лидеров республиканской партии, высказался за сохранение мира. Только мир может привести к моральному оздоровлению человечества. И никогда таких результатов не может дать война. «Человек — говорит президент — может быть слишком самолюбив, чтобы принимать участие в борьбе, народ может быть настолько уверен в своем праве, что ему не надо прибегать к силе, чтобы заставить другие народы уважать это право». — Такое самообладание и спокойствие президента и наряду с этим чрезвычайно резкий тон ноты, переданной в Берлин, — одинаково встретили сочувствие и одобрение в широких

кругах американского населения. Вильсон сохранил мир — этот лозунг был брошен в 1915 году и был подхвачен народом в 1916 году в момент президентских выборов. Часть прессы вела кампанию против президента, обвиняя его в чрезмерном миролюбии и уступчивости Германии, а в действительности президент понял уже в 1915 г., что столкновение с немцами стало неизбежным. И Вильсон берет на себя чрезвычайно неблагоприятную и ответственную задачу подготовки народа к возможности военного столкновения. И эти новые планы не были случайным, отрывочным эпизодом из жизни Вильсона и любимого им американского народа. В Штатах было мало людей так тщательно изучивших прошлое и настоящее великой американской демократии, как это сделал ученый историк и государствовед Вильсон. В своей личности президент осуществлял американский идеал гражданина-вождя, готового вести свой народ и готового служить ему до последней капли крови, до последнего вдоха. И президент знал, что исторические судьбы Штатов своеобразны. Когда Америка была открыта, она была девственной землей, где человечество, уже на очень высокой ступени своего развития, получило возможность создать новую цивилизацию и произвести новый политический опыт. Во время своих

первых президентских выборов за два года до мировой борьбы, Вильсон произнес речь, которая была хвалебным гимном Штатам. В ней Вильсон говорит о том сердечном трепете, с которым приближались жители Европы к американскому материку: «Им всегда казалось, что жители Америки навсегда освободились и от королей и от привилегированных классов и от всех цепей, лишавших людей свободы. Теперь они проникнутся уважением к человеческому достоинству, станут членами великого братского объединения и не будут более стремиться к обману или причинению ущерба другим людям, но будут считать своим долгом служение общему благу».

«Что завещали в своих творениях люди, создавшие Америку? Было ли их мыслью служить эгоистическим интересам одной Америки? — Нет, но служить делу всего человечества, принести свободу роду человеческому». «Здесь в Америке водружены знамена, ставшие призывным знаком для народов всего света... И, если Господу будет угодно, при хаосе современных отношений народов, быть может, нам придется еще раз развернуть знамена и возобновить подвиги героических времен...» Вильсон любил вспоминать первые годы существования Штатов, когда нашлись не только политические вожди, но и активные работники и

строители новой жизни. И в своей пророческой речи 1912 г. он предчувствовал, что может прийти новая полоса строительства, борьбы и реформ. На этот раз очередными задачами будут не проблемы национального, но международного характера. Демократические основы, которыми живет и дышит Америка, имеют еще своих непримиримых врагов, и если гражданский американский идеал есть служение сверх-индивидуальному началу — общему благу народа, то в отношении государств друг к другу таким высшим началом должно быть служение человечеству. И если силы людей должны быть согласованы для достижения политических-необходимых социальных результатов, то в том же смысле должна быть создана правовая координация и для усилий народов. Германия стремится к единоличному господству в Европе во имя своих эгоистических, национальных интересов. С этим будет бороться Америка, не желающая власти над народами, но ставящая свою мощь на служение праву. В январе 1916 г. Вильсон совершает объезд Штатов и особенно долго задерживается там, где резко преобладают миролюбивые настроения. Обращаясь к смешанному населению промышленного центра Milwaukee президент говорит: «Вы должны знать, откуда произошли цвета на нашем знамени. Красные полосы на нем — знак крови, благородно

и героически пролитой людьми, которые жертвовали за свободу сограждан имуществом и жизнью. Пусть Господь охранит нас от возможности осветить пролитой кровью блеск нашего знамени. Но, если придет день, когда нужно будет еще раз подтвердить величие наших исконных и могучих начал, тогда наше знамя оживится знаком нашей крови и, оживленное, оно будет снова прославлено и освящено!..» Однако для того, чтобы к голосу Соединенных Штатов прислушивались и для того, чтобы, в случае надобности, с оружием в руках выступить в защиту всечеловеческого идеала, нужно располагать достаточными военными силами, и президент Вильсон, принадлежащий к демократической партии, осуждавшей воинствующий империализм республиканцев, вынужден во время избирательной кампании 1916 г. настаивать на необходимости усиления армии и увеличения флота. Выступление американской республики в мировой войне диктуется не только желанием заставить воюющих уважать права нейтральных. Штаты, чтобы обеспечить в дальнейшем народы от повторения военных стихийных бедствий должны заложить основы для нового порядка международных отношений. Этот порядок найдет свое выражение в договорном писаном акте. Это будет статут или конституция в мировом масштабе, который

даст гарантии правам народов и организует международное принуждение против правонарушителя. Подобно религиозной и политической общине будет создана единая конгрегация или община, охватывающая все человечество. В конце мая 1916 г. президент приглашается на торжественное заседание Лиги для установления всеобщего мира. На этом собрании Вильсон впервые открыто провозглашает, что Америка перестала быть безучастным зрителем мировой катастрофы: «Мы принимаем участие — хотим ли мы это, или нет — это безразлично — в мировой жизни. Интересы всех наций являются и нашими интересами. Мы — участники всех событий, и все, что касается человечества, касается и нас непосредственно, так же как и других народов Европы и Азии». Пусть люди, вызвавшие мировую борьбу, подумают о том, что могут сложиться новые союзы и даже такие, о которых они и не подозревают. Воюющих надо будет ознакомить с точкой зрения Америки и надо будет их поставить в известность, что свои взгляды Америка будет защищать не только моральными и экономическими средствами, но и физической силой. И можно надеяться, что тогда слова Америки будут приняты во внимание. Надо сблизиться с государствами в конфликте и надо склонить их к принятию пожеланий Америки. Пусть

воюющие сами условятся о прекращении войны и заключении мира, но при ликвидации борьбы они должны признать необходимым создание мировой ассоциации, или лиги народов, обязанность которой будет состоять в охране свободы моря и в предупреждении возникновения войн вопреки договорам и без предварительного объявления. Международные споры впредь должны решаться не насилем, но судом общественного мнения всего света, и в основе международных отношений должны лежать принципы взаимной гарантии территориальной неприкосновенности и политической независимости народов. — Часть желтой американской прессы резко реагировала на эту речь президента. «Sun» (29 мая 1916 г.) заявляла, что глава Штатов вступает на скользкий путь, отказываясь от традиционной американской политики. Действительно, с 1916 года Вильсон окончательно вступает на новый и очень скользкий путь. Он порывает с эмпирической и реальной политикой Штатов, но восстанавливает духовную и идеальную преемственность с строителями американской жизни, с великой плеядой государственных деятелей конца XVIII века — годов борьбы за независимость 13 свободных Штатов. В своей внутренней политике Вильсон хотел оздоровить и укрепить демократию и для этого объявил непримиримую

войну трестам и плутократии. С 1916 года Вильсон нашел врага, достаточно могучего, против своего проекта оздоровления международных отношений. Государства по самой структуре своей могут быть военными хищниками, опасными для соседей. Внутреннее военное устройство и наличие почти беспредельной и безответственной монархической власти, могущей через посредство тайной дипломатии вовлекать народы в кровавые столкновения — вот те черты, которые в корне противоречили американским традициям и которые были определенным показателем силы враждебной не только Европе, но и Новому Свету. В новом облике это был старый враг, который в образе Георга III грозил уничтожить права колоний, а теперь через сто сорок лет в виде германского императора стал опасностью для свободы Европы. Борьба с монархическим и военным принципом управления должна стать последним крестовым походом для американской демократии. Вильсон меняет в корне свое отношение к Германии, он считает, что нельзя откладывать решение о том, кто виновен и кто невинен, до конца мировой войны. В своих погах, отправляемых в Берлин, он говорит о терроре и преступлениях, осуществляемых германским императорским правительством. Это более не поведение главы нейтрального госу-

дарства, но это выступление одной из сторон в конфликте, желающей быть кроме того и судьей. Война принимает характер не Божьего суда, испытания кровью и железом, где судьба преступника заранее предопределяется Провидением, но схватки борющихся, где случай может дать перевес преступной стороне и где поэтому Штаты должны выступить на стороне невинных. Когда в начале 1917 г. Германия торжественно оповещает Штаты, что она прибегнет к неограниченной войне подводными лодками, никаким сомнениям больше нет места. Америка не может более оставаться нейтральной и она выступит на стороне Англии, Франции, России и Италии. Когда Штаты начинают войну, они провозглашают новые принципы — отголоски старых американских традиций — о праве народов на самоопределение и об учредительной власти народа, о том, что власть внутри должна покоиться на согласии управляемых. Во имя и в защиту этих начал сто сорок лет тому назад выступили 13 северо-американских колоний и теперь эти же начала становятся взрывчатым веществом могучей силы и станут лозунгом для освободительной борьбы не только народов Европы, но и Азии и Африки. Война принимает характер исторической необходимости, упорной схватки старого и нового строя отношений, и прези-

дент-реформатор, демократ умеренно-консервативной складки, делается апостолом революции и насильственного переворота в державах, ставших поперек его пути и пути возглавляемого им свободного государства. Вильсон стремится к уничтожению в центральных империях монархической власти, которая «тайно и в отдельности может угрожать общему миру». Внутри Штатов живут свободные граждане, внутри Северо-Американского Союза живут свободные Штаты, точно так же и в грядущем мировом объединении будет место только свободным государствам. В великой американской демократии закон построен на согласии свободных граждан, в правовой организации человечества он должен покоиться на согласии свободных народов. Уважению к праву личности в современном демократическом и правовом государстве будет соответствовать и уважение прав наций в международных отношениях. «Народы не могут быть передаваемы как собственность от одного властителя к другому». Права народов будут пользоваться правовой защитой. Народы — свободны и равноправны, и эти их субъективные права могут быть защищены лишь при условии высшего правопорядка. Свобода и право неразрывно связываются друг с другом. Вместо прежней анархической свободы, равносильной праву более

могущественного совершать насилия над более слабыми, надо создать «новую свободу», покоящуюся на авторитете общественного мнения и на писаной хартии прав народов, добровольно им принятой. Таким путем проблема самоопределения и свободы неразрывно сплетается с проблемой союза народов, Лиги Наций, создающей из разрозненных индивидуальных сил такую коллективную мощь, которая может вынудить к повиновению как отдельного правонарушителя, так и их совокупность: «Нужно создать высшую силу, гарантирующую новый порядок, силу настолько превосходящую те средства, каковыми располагали доселе существовавшие или проектированные союзы, чтобы ни одна нация и ни одно возможное соединение наций не могло бы ни противостоять, ни сопротивляться этой силе». Создание такой Лиги Наций будет американскою целью войны. Штаты не ищут ни денежных контрибуций, ни территориальных приобретений. Но штаты будут требовать уплаты одной цены со всех участников Мирной Конференции, и такой ценой будет Лига Наций, долженствующая стать орудием примирения между народами. Сохранение мира, уважение к свободе и независимости народов, создание взаимной гарантии, организация санкций в виде финансовых и экономических средств, в крайнем

случае военная эвакуация, упрочение культурно-административных связей, провозглашение принципа, что споры народов решаются не силою оружия, но мирными способами: посредничеством или судом, ограничение вооружений и, наконец, создание постоянных союзных органов в виде Совета, Собрания и Бюро — вот главные черты Лиги Наций, претворенной в реальность благодаря решающему авторитету Штатов и героическим личным усилиям президента Вильсона. Никогда в истории мира еще не был эмпирически осуществлен такой план вселенского объединения народов. И если на Мирной Конференции в Париже договорное объединение государств Европы, Америки, Азии и Австралии было скреплено подписями их представителей, и если позднее с 1920 г. началась реальная жизнь Лиги Наций, насчитывавшей, как и Северо-американский Союз, после первого собрания в своем составе 48 независимых государств, то это было результатом индивидуального подвига Штатов и их вождя. Вильсон никогда не скрывал, что высокое звание и высокое положение создает и глубочайшую ответственность. Никогда еще народу не принадлежали такие широкие возможности, как Америке в момент мировой войны. В руки Штатов была передана бесконечная власть, и все народы были готовы оказывать им царские

почести. И если задачей Штатов было служение человечеству, то последнее, хотя и было конечною целью, но требовало и нуждалось в активном руководительстве. Внутри демократии нужны люди — борцы и строители политической жизни. Извне принципиальная свобода и равноправие народов не исключает необходимости индивидуального руководства. Нужна только санкция со стороны общественного мнения, и этим оправдывается моральное водительство одного народа по отношению к другим. Истина может быть более знакома единицам, чем безличному множеству. Под видом выполнения народных желаний надо заставить выполнять народ те цели, которые неявны толпе, но понятны политическим вождям. Иерархическая система кальвинизма здесь находит свое новое и своеобразное выражение. Свобода и подвиг личности — вот основные черты демократии в ее форме как государственной, так и сверх-государственной. Вильсон хотел и добивался этого подвига со стороны своего отечества, которое было согласно предпринять раз крестовый поход для освобождения Европы, но которое не пожелало на будущие времена обязать перед всеми народами света защищать с оружием в руках их права на свободу и независимость. Штаты не хотели возложить на себя такой обязанности, и мало

сочувствовали и возможности международной экспансии по отношению к народам Нового Света, где имеется исключительная сфера их политического влияния и их морального господства. Еще до созыва Мирной Конференции выборы в конгресс уничтожили демократическое большинство. В сенате Бора и Лодж повели решительную кампанию против Лиги Наций и Версальского договора и добились того, что объединение народов, созданное по инициативе Штатов, не получило одобрения со стороны американской законодательной власти. Вместо активного участия в правовой жизни вселенной Штаты вернулись к системе безразличия и незаинтересованности, и только проблемы финансового характера и особенно вопрос о платежах по займам, заключенным союзниками, во время мировой борьбы, в Америке, остались тесным звеном, связующим Европу с Новым Светом. Но это лишь временное и преходящее явление, потому что органический рост мировых отношений продолжает усиливаться неослабевающим темпом и нет никаких сил, могущих помешать все более тесному сближению народов света. Уверенные в своей материальной мощи, Штаты временно могут отвернуться от международной организации человечества, но может настать день, когда сила Штатов окажется недостаточной для защиты их

собственных прав. Пути к собиранию человечества не могут быть ровными и непрерывно восходящими. Они могут быть кривыми и тернистыми. Одних сил смертного человека и даже способностей политического гения было недостаточно, чтобы из мира зла, крови и бесконечных страданий создать новый порядок отношений. Тяжесть задачи оказалась непосильной для Вильсона. Если Вашингтон еще при жизни, после второго периода исполнения своих обязанностей президента, потерял большую часть своей популярности, и если современные газеты осмелились говорить про национального героя, при оставлении им президентской должности, что ныне с миром был отпущен Господом человек, причинивший много зла Союзу, если второй великий президент (Линкольн) был убит, то третий великий вождь американской демократии при жизни был казнен политическим забвением и политически умер за несколько лет до своего последнего смертного часа. Мечты Вильсона о том, что Штаты станут добрым хозяином вселенной, покровителем слабых и блюстителем справедливости, оказались несбыточной утопией, но Северо-американский Союз, этот «последний и величайший дар Господа человечеству», в силу своих исторических и политических традиций стал творческой и обновляющей силой в жизни вселен-

ной и дал ей — единственную в своем роде — правовую организацию, создавшую впервые для народов гарантии мира и безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

К главе I: общий исторический новейший обзор можно найти у *H. C. Hockett* A political and social History of the United States. 1492—1828. New-York. 1925 и *A. M. Schlesinger* A political and social History of the United States. 1829—1925. New-York. 1925. и у *E. Channing*. History of the United States, I—V vol., 1905 и д. *J. Moritzen* The Peace Movement in America. 1912. Документы: текст декларации независимости и тексты двух конституций опубликованы *J. B. Scott* в Division of Intern. Law-Carnegie Endowment for Intern. Peace. 1917. Там же изданы *J. B. Scott* An Essay on a Congress of Nations for the adjustment of international disputes without resort to arms by *William Ladd* (1840)—1916 г.

К главе II: *H. Bingham* The Monroe Doctrine. New-Haven 1913. *Hart* The Monroe Doctrine. 1916. *J. B. Lockey* Pan-Americanism: Its Beginnings. New-York. 1920. *Thomas* One Hundred Years of the Monroe Doctrine. 1923. Ср. также: *Büchi* Die Geschichte der Pan-Amerikanisch. Bewegung. Breslau. 1914. *Fried* Pan-Amerika. Zürich. 1918.

К главе III. *Baker* W. Wilson and World Settlement. I—III. 1922. *Halévy* Le Président Wilson. Paris. 1919. *Lawrence* The true History of President Wilson. 1924. *H. C. Lodge*. The League of Nations and American Senate. 1915. Ср. *Lansing*. The Peace Negotiations, a personal narrative. 1921., *W. Dodd*. W. Wilson and His Work. 1920.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Нарождение Соединенных Штатов и их роль в упрочении международного правопорядка.....	5
II. Соединенные Штаты и правовая организация Нового Света	51
III. Соединенные Штаты и правовая организация человечества	85
Библиографическая заметка	116

Водовозов В. В. Новая Европа.....	\$ 3'30
Головин Н. Н. Тихоокеанская проблема в XX столетии.....	\$ 1'05
Класен Ф. Г. Технология рыбных продуктов	\$ 2'40
Масарик Т. Г. Мировая революция. Воспоминания. Том I.	\$ 1'—
„ II. (печатается)	
Нидерле Любор Быт и культура древних славян	\$ 1'50
Право Советской России Сборник статей Вып. I.	\$ 2'25
„ II.	\$ 2'10
Циммерман М. А. Очерки нового международного права 2-ое издание.....	\$ 1'50
Циммерман М. А. Вмешательство и признание в международном праве	\$ 2'—

Tchecoslovaquie

„Народное искусство Подкарпатской Руси“

Текст

С. Н. Мановского

Художественное издание со множеством многоцветных и автотип. иллюстр. на бумаге

«Шамуа»

Русское издание	\$ 12'—
Чешское „	\$ 12'—
Английское „	\$ 12'—
Французск. „	\$ 10'—

Артисты Московского Художественного Театра

за рубежом

\$ 1'20

Мановский С. К.

Силуэты русских художников

\$ 1'20

Зноско-Боровский Е. В.

Русский театр начала XX в.

\$ 1'95

Зодчие русской культуры

\$—50

Tchecoslovaquie

Издательство и книжная торговля

„ПЛАМЯ“

Praha II, Ječná 32, Tchécoslovaquie

—~~~—
Центральные склады

„Заря“

**Berlin W 50
Regensburgerstr. 13**

„Пламя“

**Warszawa
Niecała 4**

На складе большой ассортимент книг и журналов зарубежных, советских и довоенных изданий и антиквариата.

Все новинки русской, украинской и чешской литературы.

Большой выбор русских и чешских нот.

Склад принимает заказы на все существующие в продаже книги и журналы на всех славянских языках.

Требуйте каталоги!

PLAMJA

PUBLISHERS & BOOK-SELLERS

Praha II, Ječná 32, Czechoslovakia.